

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5802347>

Квартальная бойня

Направленность: Джен

Автор: [KatVladimirskaya](https://ficbook.net/authors/2407085) (<https://ficbook.net/authors/2407085>)

Фэндом: Коллинз Сьюзен «Голодные игры», Голодные игры (кроссовер)

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ангст, Драма, Экшн (action), POV, Антиутопия

Предупреждения: Смерть основного персонажа, Насилие, ОМП, ОЖП, Смерть втөростепенного персонажа

Размер: Макси, 94 страницы

Кол-во частей: 24

Статус: закончен

Описание:

Всем давно известны правила Голодных игр. Но объявление условий первой Квартальной бойни становится неожиданностью для жителей всех дистриктов, кроме семьи Грин из Седьмого. Сможет ли главный герой остаться в живых и победить на арене? Или на игры у него другие планы?

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

К некоторым главам есть иллюстрации, будьте внимательны к примечаниям после текста ;)

Обложка - <https://ibb.co/iqFw6U>

ТОС

ТОС	2
Глава 1. Завтра Жатва.	3
Глава 2. Каждый дистрикт сам выбирает своих трибутов.	5
Глава 3. Все знаем, кого выберут.	8
Глава 4. "Вот они! Трибуты от дистрикта Семь!"	11
Глава 5. "Собирайте вещи..."	14
Глава 6. "Не подведите, ребята!"	17
Глава 7. Всё слишком яркое.	21
Глава 8. "Ты тоже боишься?"	23
Примечание к части	26
Глава 9. "Тогда первый вопрос - ты готов убивать?"	27
Глава 10. В этом все мы. Всегда пытаемся защитить друг друга.	32
Глава 11. "Я готов получить высший балл."	37
Глава 12. "Его оценка одиннадцать!"	41
Глава 13. "Ты великолепен!"	46
Глава 14. "Победит сильнейший, так ведь, Джей-Джей?"	50
Примечание к части	56
Глава 15. Завтра уже игры.	58
Примечание к части	64
Глава 16. "Джесс, беги!"	65
Глава 17. Всего восемь человек.	72
Глава 18. "Ты должен быть сильным."	77
Глава 19. И тут я замечаю его.	81
Глава 20. "Конфетка, у меня для тебя сюрприз!"	84
Глава 21. "Джей-Джей... Прости меня..."	87
Глава 22. Не может быть, что её больше нет.	93
Глава 23. Вдруг становится темно, и мне кажется, что я лечу.	97
Примечание к части	101
«до моей смерти не открывать!»	102

Глава 1. Завтра Жатва.

По всему Седьмому дистрикту проносится вой сигнальной сирены, означающий конец рабочего дня. Я кладу на телегу свой топор и направляюсь в ту сторону, где работает мой отец. Найти его среди остальных рабочих не составляет труда — низкий ростом, но довольно крепкий, похожий, скорее, на дубовый пень, чем как я, на стройную высокую осину — он сильно выделяется из толпы других лесорубов.

Миротворцы сгоняют нас всех в одну колонну и под конвоем ведут к жилой части дистрикта. Никто не пытается отойти в сторону или заговорить с соседом — всем известно, что за этим последует. Последние несколько лет в дистрикте хозяйствует довольно жёсткий отряд миротворцев. Поэтому и я, как и остальные, просто шагаю рядом с отцом, мечтая о том, чтобы день поскорее закончился.

Наконец, мы дома. Хотя, как можно назвать домом то, где мы живём? Можно подумать, если мы жители Седьмого дистрикта, у нас имеется неограниченный ресурс дерева, прекрасные плотники, то у нас хорошие и крепкие большие дома? Как бы не так. Всё, что имеет наша семья, как и многие другие, это маленькая закоптившаяся комнатка в старом бараке, внутри две кровати, покосившийся шкаф, стол и печка-буржуйка, которая и окрасила наше жильё в чёрный цвет.

Зайдя домой, сразу же садимся за стол. Десять часов двадцать минут — семейный поздний ужин. Мама с сестрой пару часов назад закончили свою работу — сборку шкатулок, которые после перенаправляются в Первый дистрикт для украшения, поэтому, впрочем, как обычно, они накрывают на стол. На тарелке передо мной склизкая и безвкусная каша и ломоть слегка засохшего хлеба. Да, моё любимое. Вся моя семья работает, а что мы заслужили? Жить в каморке и питаться плесенью? Каждый день во мне вскипает ярость, которую с каждым разом всё сложнее держать в себе. Ненавижу власти Капитолия.

— Джексон, как прошёл день? — мама пытается мне улыбнуться. Видимо, я опять выпал из обсуждения.

— Чудесно. Как обычно. — Наш разговор явно не клеится. Да и что может быть интересного? После школы сразу в лес. Ничего не меняется последние несколько лет.

Я закидываю последний кусочек хлеба в рот и, не притрагиваясь к каше, нарушаю вновь образовавшуюся тишину:

— Ладно, я наелся.

Залезаю с ногами на кровать и ложусь лицом к стене. Завтра тяжёлый день, но уснуть не могу. Завтра Жатва.

В голову лезут дурацкие мысли. Спустя пару часов тихо встаю с постели, бесшумно пробираюсь к двери, пытаюсь не заскрипеть заржавевшими петлями, и выхожу на улицу. Вдыхаю свежий воздух и сажусь на нижнюю ступеньку.

Наш барак одноэтажный, каждой семье отведена одна комната и отдельный вход. Соседей я побеспокоить не боюсь. У нас их просто нет. Все боятся жить рядом.

— Тоже не можешь уснуть? — сзади слышится голос девушки. Она садится рядом, берёт меня под руку и кладёт голову мне на плечо.

— Конечно, Джесс, за тебя волнуюсь.

— А я за тебя... — тихо отвечает сестра. Разве может быть по другому? Мы близнецы, поэтому наиболее глубоко чувствуем все переживания друг друга. — Какова вероятность того, что выберут именно...

Я не даю ей закончить:

— Сама знаешь.

Около часа мы сидим молча на крыльце и просто держимся за руки. Я чувствую, как рукав моей рубашки становится влажным от слёз Джесси. И так последние пять лет. Это, можно сказать, наша традиция.

Наконец, девушка поднимается и тянет меня в дом.

— Джекс, идем спать.

— Да. — Я секунду медлю и легко сжимаю её руку. — Извини, что накинулся на тебя.

— Ничего. Я понимаю.

Глава 2. Каждый дистрикт сам выбирает своих трибутов.

Не успеваю я закрыть глаза, как пора вставать. Отец будит меня, слегка тормоша за плечо.

— Готов?

— Как всегда. Где Джесси?

— С мамой, собирается. Тебе тоже пора.

Я поднимаюсь с постели и бреду на улицу, где находится умывальник. Как следует промываю глаза, полощу с мятой рот и возвращаюсь.

Сегодня наши родители дома. По случаю Жатвы во всех дистриктах работы и занятия отменяются.

Я надеваю старую пожелтевшую отцовскую рубашку и его же брюки, которые мне коротки, ведь я гораздо выше него. Их приходится подпоясать старым ремнём, чтобы не сваливались с бёдер.

На улице меня уже ждёт Джесси с аккуратно убранными в высокий хвост волосами и новом платье. В очередной раз у меня ёкает сердце. Я не могу её потерять.

— Ты очень красивая.

Девушка виновато опускает взгляд. Я знаю, что ей не по себе от того, что ей купили это замечательное платье нежно-зелёного оттенка, в то время, как наша семья живёт впроголодь.

— Правда, ты красавица.

Я крепко сжимаю её руку, когда раздаётся сигнал, возвещающий о том, что настало время двигаться к Дому правосудия.

По всем улицам проходят нестройные ряды подростков от двенадцати до восемнадцати лет. Многие, в основном одноклассники и соседи, собираются в группы и переговариваются. Каждую минуту я ощущаю на нас с сестрой косые взгляды. Но к нам никто не подойдет. Никогда не подходили. Наши родители идут позади, тоже в одиночестве. Сейчас им приходится сложнее всего.

Приближаемся к Дому правосудия. Перед входом на площадь расположены длинные столы, за которыми сидят люди, одетые в костюмы, похожие на форму миротворцев. Толпа подростков разделяется на несколько очередей, и мы с сестрой становимся в одну из них. Я даже не обращаю внимание на то, что ребята перед нами расходятся, пропуская вперёд, шараясь, как от больных. За несколько лет у меня уже выработался

иммунитет к такой реакции к моей семье. Мы с сестрой подходим вместе к столу, называем фамилии и имена, получаем талончики и проходим на площадь. Всех выстраивают в ряды, в зависимости от возраста. Нас с Джесси отправляют почти в самый конец, ведь нам уже по семнадцать.

Как только подростки и их родители занимают свои места и затихают, на построенную сцену выходит несколько человек, среди которых мэр Седьмого, Фир Юль и Яго Портшор — предыдущие победители игр, и типичная capitoлийка, жительница столицы, которая последние несколько лет сопровождает трибутов из нашего дистрикта. Её зовут Мэдди Глиттер. И имя в полной мере оправдывает свою хозяйку. Сумасшедшая прическа в пол метра высотой, блестящие волосы, в этом году салатového цвета. Новый, в этом году ярко-оранжевый костюм, опять же, в блёстках, очень невыгодно смотрится в нашем сером и унылом дистрикте.

Сначала на большом экране показывают фильм о восстании, подавленном Капитолием и учреждении Голодных игр с целью держать дистрикты в повиновении.

— Итак! — оглушает толпу писклявый голос Мэдди, после того как картинка пропадает. — Сегодня будут выбраны два героя, которые будут отстаивать честь вашего... То есть нашего дистрикта!

Я фыркаю ей в ответ и чувствую, что Джессс дёргает меня за руку.

— И сегодня сам президент Сноу выступит перед нами! — в толпе кто-то ахает. Мэдди это слышит и её лицо радостно светлеет. — Я думаю, мы все этому очень рады!

— А то как же! Ведь это сам президент Сноу... — ворчу я себе под нос, а Джесси вновь одергивает меня. Видимо, боится, что миротворцы могут услышать.

Все затихают, на всех установленных экранах отображается символ Капитолия. Затем появляется изображение красивого мужчины в возрасте с ослепительно белыми зубами.

— Здравствуйте, жители Панема! Сегодня, как вы все знаете, день Жатвы. Избранные трибуты будут бороться на арене, а победитель обретёт известность и богатство! В этом году проводятся двадцать пятые Голодные игры, а значит, настало время для первой Квартальной бойни.

Я оглядываюсь по сторонам и вижу недоумевающие лица. Кажется, что никто не знает, что это. Но одно только название ничего хорошего не предвещает. По моему телу пробегает неприятный холодок.

— При учреждении Голодных игр, каждые последующие двадцать пять лет было решено проводить Квартальную бойню, задания для которой были написаны на много лет вперед.

Президенту подносят шкатулку с символом Капитолия на крышке, он открывает её и достаёт верхний конверт с цифрой «25». Затем бережно распечатывает его и, сверкнув

белоснежной улыбкой, читает:

— К двадцатипятилетнему юбилею, в напоминание о том, что бунтовщики сами выбрали путь насилия, каждый дистрикт сам выбирает своих трибутов.

Глава 3. Все знаем, кого выберут.

Джесси со всей силы сжимает меня за руку, и я поворачиваюсь к ней. Её лицо стремительно бледнеет. К моему горлу подкатывается комок и кажется, что меня сейчас стошнит. Ищу глазами родителей. Найти их оказывается несложно — отец держит на руках маму, которая потеряла сознание, все вокруг расступились и никто не пытается помочь.

Мы все знаем, что это значит. Все знаем, кого выберут.

Весь дистрикт считает, что на нашей семье какое-то проклятье. Голодные игры забрали обоих папиных братьев и мамину единственную сестру. До нашего с Джесси рождения на них отправились две старшие сестры, а два года назад мы потеряли двенадцатилетнего брата. Ни одна из семей не теряла столько близких, как наша. Это действительно проклятье. Поэтому со мной и Джесс никто не общается. Поэтому наших родителей сторонятся.

Президент продолжает свою речь. В голове у меня стучит, и его голос раздаётся словно из бочки:

— Итак, вам предоставляется один день, чтобы определить своих избранных трибутов. От того, кто будет избран, будет зависеть исход игры и то, будут ли у вашего дистрикта привилегии весь следующий год. Поэтому выбирайте обдуманно. Обратите внимание, что в этом году добровольцы в игры не принимаются. Счастливых вам Голодных игр. И пусть удача всегда будет на вашей стороне.

Экран гаснет. Над площадью проносится тихий ропот.

— Сейчас перед вами будет выставлена корзина и выданы бланки, на которых вы напишете имена и фамилии наших героев! — вновь пищит Мэдди. — Голосовать можно до полудня. Завтра в три мы снова соберёмся здесь и узнаем результаты.

Глиттер разворачивается и уходит обратно в Дом правосудия в сопровождении мэра и победителей прошлых игр.

Жители дистрикта становятся в очередь за бланками, некоторые сразу же их заполняют и бросают в корзину.

Я, конечно, голосовать не собираюсь, мне кажется абсурдным то, что я могу своими руками отправить кого-то на смерть. Хотя, кого я обманываю? Решаю не я, а большинство. И результат мне заранее известен.

Всё так же держа сестру за руку, направляюсь к выходу с площади, но миротворцы не дают нам уйти и направляют к очереди на голосование.

— Джексон... — тихо произносит Джесси.

— Нет. Ничего не бойся. — Я стараюсь успокоить её и не показать своего страха,

хотя меня самого колотит.

Подходит моя очередь. На бланках жёстким карандашом я пишу два имени. На первом — Джинджер Литтл, имя девочки, которая с детства задирала мою сестру. Написал я её не из мести, её же точно не выберут. Не могу же я указать имя своей сестрёнки. На втором — Джексон Грин. Моё имя.

Стою рядом с Джессикой и жду, пока она заполнит бланк. Когда девушка заканчивает, находим родителей.

— Пап, нужно проголосовать, иначе они нас не отпустят. — говорю я отцу и поворачиваюсь к сестре. — Джесс, сходи с папой, возьми бланк для мамы, она в таком состоянии никуда не пойдёт.

Отец и Джессика уходят, оставляя меня и мать наедине. Я присаживаюсь на скамью рядом с ней.

— Я не могу в это поверить... — Она прячет лицо в ладонях, её руки слегка трясутся.

— Ма, все будет хорошо. Что бы ни случилось, я буду защищать Джесси.

Сквозь её пальцы я вижу, как к маминым глазам подступают слёзы.

— Мам, только не плачь. Может всё будет не так, как мы думаем. — И кого я обманываю?

В ответ она лишь молча отрицательно мотает головой. Не знаю, переживёт ли она всё это...

Закончив заполнение бланков, мы отправляемся домой. Я помогаю довести маму до кровати, не оборачиваясь, иду в сарай, где хранятся все инструменты лесорубов, беру топор и направляюсь в лес. Захожу дальше, чем когда-либо и нахожу большую сосну. Руки сами начинают работать остро заточенным инструментом. Моя злоба, моя обида на весь мир вымещается на шершавом стволе дерева. Щепки летят во все стороны, попадают в глаза, падают за шиворот рубашки.

Когда дерево падает, я беспомощно сажусь на пень, опускаю руки и даю волю слезам. Нет, я не плачу. Слёзы просто катятся по моим щекам и падают на ладони. Я смотрю на них. Они капают на многолетние мозоли, пара из которых не заживает и ежедневно кровоточит.

Почему нам так не посчастливилось родиться в этом ужасном мире? В Капитолии люди жируют, развлекаются, живут в своё удовольствие, в то время, как такие как я стирают руки до мозолей и костей, чтобы угодить этим богатеям и самим хоть как-то прокормиться. И в итоге ещё попасть на игры.

Спустя время понимаю, что на улице уже темнеет. Домой не хочется идти только из-за напряженной обстановки, но я всё равно возвращаюсь. Не хочется сейчас бросать

родителей. Скорее всего, мы видимся с ними в последний раз.

Глава 4. "Вот они! Трибуты от дистрикта Семь!"

Мы вновь на площади перед Домом правосудия. На установленной сцене всё те же лица — мэр, Мэдди и предыдущие два победителя. Мэр сидит на стуле с высокой спинкой с едва заметной улыбкой. Конечно, ведь его дети в безопасности. Впрочем, как это было и раньше.

— И снова здравствуйте! — визжит Мэдди Глиттер в микрофон. — Сейчас мы узнаем имена тех, кто будет отстаивать честь Седьмого дистрикта на двадцать пятых Голодных играх! Итак, сначала девочки!

Мэдди направляется к хрустальной вазе в форме шара. В нём только одна бумажка. Только одно имя.

— Джессика Грин!

В моей голове многократно отдаётся это имя. Покажите мне того, кто не знал, что так будет. Я же, скорее всего, просто надеялся.

Я пытаюсь ободряюще улыбнуться Джесси и с трудом отпускаю её руку. Сестру мгновенно окружают миротворцы и ведут к сцене. Она поднимается, становится рядом с Мэдди и пустым, полным слёз взглядом смотрит мне прямо в глаза.

— А теперь мальчики!

Во втором шаре также только одно имя.

— Джексон Грин!

Я вижу, как крупная слеза скатывается по щеке Джесс, но её лицо всё так же не отображает никаких эмоций. Поднимаюсь на сцену и ищу глазами родителей. Мама рыдает на груди у отца.

— Вот они! Трибуты от дистрикта Семь! Именно эти двое прекрасных молодых людей будут сражаться насмерть с избранными трибутами из других дистриктов! — Видимо, Мэдди ожидала более бурную реакцию, поэтому сразу сникает и, вздохнув, продолжает. — Увидеться с ними вы сможете в порядке очереди в Доме правосудия. Счастливых вам Голодных игр, и пусть удача всегда будет на вашей стороне.

В ту же секунду нас с Джесс берут под руки миротворцы, провожают в Дом правосудия и уводят в разные стороны широкого коридора.

Я оказываюсь в просторной комнате с красивой деревянной мебелью и мягкими диванами. Присаживаюсь на самое дальнее кресло и выглядываю в окно. Кажется, жители дистрикта уже начали праздновать то, что несчастье обошло их стороной. Я не могу взять в толк, как можно радоваться тому, что собственными руками отправили на верную смерть двух детей? Я никогда не пойму этот мир.

Дверь бесшумно открывается, входит отец и садится на маленький диванчик напротив меня.

— Ну ты как? — спрашивает он, а я только киваю. — Мама сейчас у Джессики.

Наступает неловкое молчание. Мы с отцом перестали быть близки после смерти младшего брата. Видимо, он не хотел сильно привязываться ко мне, боясь в дальнейшем потерять. В данную минуту я сам не знаю, что сказать. Кажется, отец чувствует то же самое. Во многом мы с ним очень похожи.

— Пап, кто-то из нас станет победителем.

— Я знаю. — Отец поднимается, подходит ко мне, крепко обнимает и шепчет — Попробуй защитить Джессику...

— А ты оберегай маму, пока кто-то из нас не вернётся.

Отец слегка отстраняется, по его губам пробегает лёгкая, но грустная улыбка:

— Всю жизнь оберегал.

Я лишь отвечаю:

— До конца жизни буду защищать.

— Время посещения завершено. — Грузный миротворец выводит отца из комнаты.

Через минуту за дверью затихают все звуки. Я снова поворачиваюсь к окну. На площади бегают маленькие детишки, семьи собираются со своими друзьями и соседями и что-то весело обсуждают. В верхнем углу окна об стекло бьётся муха. Она пытается выбраться на волю, стать свободной. Но у неё это не выйдет. Она такая же пленница, как и я. Она умрет здесь, на этом самом подоконнике, я, вероятнее всего, на арене...

Дверь вновь открывается и входит мама. Её глаза на мокром месте. Она прижимается к моей груди и, не ослабляя объятия, вместе со мной присаживается на диван.

— Мам, мы все знали, что такое может случиться. Просто не думали, что будет именно так.

— Именно так... — вторит она мне шёпотом.

— Я обещаю, что Джессика станет победителем, она вернется домой. Вы будете жить в деревне победителей, хорошо питаться. Может даже...

— Сынок...

— Не говори ничего. Всё будет именно так. Я никогда и ни за что не дам её в обиду. Мам, не плачь. Это так тяжело...

Мама прячет лицо у меня на груди и рыдает до того момента, пока за ней не приходят миротворцы. Меня оставляют в одиночестве.

Глава 5. "Собирайте вещи..."

Я сижу в отведённой мне «комнате» в поезде. Всё вокруг отделано хромом. Я чувствую себя совсем неудобно от того, что меня окружают холодные и неживые поверхности. Сразу чувствуется, что я еду на казнь.

Поднимаюсь с кровати, и ноги сами несут меня в другой вагон. Я останавливаюсь около двери и дергаю ручку. Заперто. Тихо стучу.

— Джесс? — в ответ тишина. — Джесс, можно мне войти?

Раздаётся негромкий щелчок и дверь слегка отходит в сторону. Я протискиваюсь в помещение и запираю за собой замок.

Эта «комната» ничем не отличается от моей. На такой же, как и у меня, кровати лицом вниз лежит моя сестра. Я сажусь рядом с ней и начинаю гладить по спине. Мы не разговаривали с момента оглашения трибутов в Седьмом.

— Знаешь, я ведь неплохо владею топором.

Видимо, девушка не понимает, о чем идет речь, поэтому молчит и ждёт, когда я продолжу. Но я не спешу. Я ещё не обдумал весь разговор и не уверен, стоит ли его сейчас вообще заводить.

— Джесс, ты же можешь победить.

Сестра поднимает голову, но на меня не смотрит:

— Я? Я смогу? Может я их шкатулками закидаю?

— Можно, конечно, если они там будут. — Я стараюсь поднять ей настроение, но чувствую, что у меня это не выходит. — Нет, Джей-Джей, я серьезно. Я тебя когда-нибудь давал в обиду? Ведь ничего не изменилось — ты моя сестра, я люблю тебя больше жизни, и...

— Замолчи. — Джессика обрывает меня на полуслове и поворачивается ко мне. В её глазах стоят слёзы. Это меня убивает. — Пожалуйста, давай не будем об этом. Я не хочу. Не сейчас.

Я забираюсь с ногами на кровать и ложусь рядом с ней. Та сворачивается в клубок и кладёт голову мне на плечо.

За окном проносятся деревья. Не знаю, выехали ли мы уже из Седьмого и как долго нам ещё ехать, никогда даже не приближался к границе родного дистрикта, но, как говорили в школе, он самый большой из всех двенадцати. Сейчас же я просто наслаждаюсь последним временем, которое могу провести в компании своей сестры. Однако, через какое-то время молчание становится невыносимым.

— Давай поговорим?

— Давай. О чём угодно, только не об играх и том, что ты будешь меня защищать.

Я быстро пытаюсь сообразить, о чём с ней можно сейчас пообщаться. О доме и родителях не стоит, ведь мы вряд ли с ними когда-либо встретимся. Об играх она не хочет, поэтому заводить этот разговор мне сейчас не хочется, чтобы не портить ей настроение.

— Как думаешь, во что нас оденут на параде? Интересно, а наши стилисты спросят, чего мы хотим? Вот я уже представляю, во что ты могла бы быть одета.

— Да? И во что же?

— Твой образ будет очень хорошо отражать дух нашего дистрикта. На тебе будет платье из ивовых ветвей. Длинное сзади. Настолько длинное, что будет волочиться за колесницей метра на два. А спереди, наоборот, короткое, может, чуть выше колен. Верх тоже из ивы, украшенный березовыми «серёжками». Руки и плечи открытые. На ногах туфли без каблуков. И да, волосы волнистые и распущенные, с венком из яблоневых цветов. Как те, которые ты плетёшь каждый год.

Я заканчиваю и чувствую, что Джесси сейчас представляет то, что я попробовал описать.

— Может, тебе нужно ехать в Капитолий в качестве моего стилиста? — голос сестры слегка дрожит, но я понимаю, что мне уже удалось слегка разрядить обстановку.

— А почему бы и нет. Мне кажется, у меня неплохо бы получилось. — Я улыбаюсь.

— А на тебе тогда будет... — Джессика на мгновение замолкает. Даже не глядя на неё я представляю, как она замуривает глаза и морщит нос. — Вообще, было бы очень красиво, если бы ты надел смокинг, знаешь, как на президенте, когда его показывали. Жаль, что нельзя. «Костюм должен отражать дух дистрикта». Поэтому ты оденешь... Ну не знаю я! Честно!

— Ага, раздетый на колеснице поеду!

Девушка легко смеётся:

— А что, мне нравится этот вариант. Пусть все увидят какой у меня брат!

— Ну хоть бельё то мне можно оставить? — Я смеюсь, а сестра краснеет.

В дверь раздаётся стук.

— Джессика, Джексон! Через две минуты встречаемся в обеденном вагоне! Мы подъезжаем, поэтому собирайте свои вещи! — Видимо от визгливого голоса нашего куратора никуда не деться.

— Собирайте свои вещи... — вторю я ей. — Она шутит что ли? Какие ещё вещи?

В обеденном вагоне нам дают последние наставления перед выходом из поезда. Джессику отправляют умыться, а меня переодеться в новый костюм, чтобы я нормально выглядел перед камерами.

Когда мы выходим, меня сразу же ослепляют вспышки фотокамер, но я мгновенно прихожу в себя, нацепляю очаровательную, на мой взгляд, улыбку и беру сестру за руку. Видно, что она ошарашена таким количеством людей, но держится молодцом и приветливо машет рукой в сторону толпы. Нас окружают миротворцы и затапливают в тесный фургон.

Глава 6. "Не подведите, ребята!"

— Это было неплохо. — Говорит Фир, наш старший ментор, когда мы принимаемся за еду. — Если так дальше пойдёт, то мы сможем заработать вам кучу спонсоров. После обеда вы встречаетесь со стилистами, а вечером парад трибутов. Не подведите, ребята!

Фира Юля знает весь Панем. Он — первый победитель Голодных игр. Двадцать пять лет назад он был выбран для участия и победил. В Седьмом эти игры показывают каждый год на площади перед Домом правосудия, так как очень гордятся его победой. Конечно, участие в первых играх было крайне сложным. Тогда ещё не все правила были приняты, было много поправок, которые принимались в ходе самой игры. Фир смог выжить, убив за всю игру всего двух трибутов в самом финале. Не буду скрывать, что и сам восхищаюсь им. Хотя ему уже за сорок, он находится в прекрасной физической форме. И он же «воспитал» нового победителя — Яго Портшора.

Яго всего двадцать, свою победу он одержал, когда ему было пятнадцать лет. Он единственный, кому меньше семнадцати, и кто смог выиграть. Я отчётливо помню день, когда он был выбран. Потому что это была моя первая Жатва. Он ни на секунду не показал, что ему страшно — ни во время выбора трибутов, ни на самой арене.

В тот год игры проводились в пустыне, где большинство трибутов умерло от жары и жажды, но Яго уже в самом начале смог избавиться от трёх соперников. Всего за игру он убил восемь подростков, в том числе девушку из нашего же дистрикта. Ему принадлежит рекорд по количеству убитых человек за одну игру. В его глазах до сих пор иногда читается ярость, которая проявилась на двадцатых играх. И мне это нравится. Это значит, что он знает, что делать.

Я чувствую, что эти люди могут нас научить важным и полезным вещам, которые помогут нам с Джесси выжить. Точнее, кому-то из нас.

Мы заканчиваем обед как раз в то время, когда большая стрелка на часах подползает к двум. За едой менторы отказываются отвечать на мои вопросы, ссылаясь на то, что у них выделено конкретное время на разговоры, а сейчас нам нужно отдыхать с дороги. Я полностью доверяю этим людям, поэтому просто ем. Здесь нельзя не наслаждаться едой, ведь стол просто ломится от огромного количества разных деликатесов. Но в предвкушении парада у меня получается съесть только кусочек жареной утки (как мне весьма любезно подсказала Мэдди) и странно зажаренные овощи со вкусной, слегка островатой корочкой.

Через пару минут раздаётся звонок, и в зал входят они. Типичные жители столицы.

Глиттер вскакивает с места, берёт нас с сестрой под руки и буквально тащит знакомиться.

— Джессика, это твой стилист, Тигрис! — сестра опасно протягивает руку этой полуженщине-полукошке, а та игнорирует приветствие и лишь равнодушно мяукает в ответ.

— Джексон, а с тобой будет работать Гардиус. Он просто удивительный! И восхитительный...

Он. Он? Вы серьезно? Эта особь мужского пола? Высоченные каблуки, которые, конечно, не делают его выше меня, облегающий костюм с неприлично короткой юбкой, шарфом из перьев и золотыми волосами. И этот клоун будет меня одевать? Чувствую, что ничего мало-мальски пристойного меня не ожидает.

— Даже не знаю, Джесс, кому из нас больше повезло, — шепчу я сестре и уже громче говорю, — Увидимся.

Джесси со своим стилистом и Мэдди скрывается за дверь в противоположном конце выделенного нам седьмого этажа. Гардиус хватается за меня под руку и ведет через коридор, который я даже и не видел.

— Ты знаешь, мы с Тигрис подготовили для вас двоих чудеснейшие, просто очаровательнейшие костюмы! Конечно, это её первый год в качестве стилиста, но она достаточно неплохо себя показывает. — Я наблюдаю за тем, как быстро он перебирает ногами в этих туфлях, но замечаю, что он повернулся на меня и начал разглядывать. — Ах, как хорошо, что ты такой высокий и красивый! — Голос стилиста высокий, а темп настолько быстрый, что иногда сложно разобрать, что тот говорит. — Я бы взял тебя прямо сейчас, но по правилам тебя ещё нужно подготовить.

С этими словами он передаёт меня трем capitoлийцам, которые ничем не отличаются друг от друга, да и от других броских жителей Капитолия — ни лицами, ни одеждой, ни манерами или речью. Единственное, чем я их запомнил, это цветом волос — бирюзовым, салатным и насыщенно-зелёным. Как будто их подбирали специально под наш округ.

Наконец, они приступают к своей работе. Они меня моют, вытирают, бреют, подстригают волосы на голове и ногти, волосы на лице и на теле просто бесцеремонно выдирают. Снова моют, сдирая кожу каким-то средством, натирают чем-то липким и опять моют. Когда они заканчивают, я чувствую себя не обновлённым, а наоборот, уставшим. Меня одевают в халат и сажают в соседнюю комнату, на стенах которой расположены огромные зеркала.

Спустя несколько минут дверь открывается и входит Гардиус, неся в руках два бокала с желтоватым шипящим напитком. За ним команда подготовки вкатывает стенд с одеждой разных оттенков зелёного.

Стилист присаживается рядом со мной, кокетливо закидывает одну ногу на другую и протягивает мне один из бокалов.

— Что это? — я не беру напиток, хоть и знаю, что до арены мне не могут причинить вреда. Иначе обидчиков попросту казнят. Однажды было такое, что стилист решил выжечь узоры на телах трибутов. Естественно, его ждала публичная казнь.

— Ничего особенного, просто энергетический напиток, ну или энергетик. Мы же не хотим, чтобы ты уснул прямо на колеснице.

Я залпом осушаю бокал, после чего команда подготовки берётся за дело. Меня переодевают раз двадцать, и если оценивать объективно, то лучше и в самом деле ехать голышом, нежели в том, что мне предлагают.

Ближе к пяти часам я уже перестаю понимать, что происходит и просто стою, глядя на пустую стену. Кажется, что энергетик подействовал не на меня, а на стилиста с командой.

Стрелка на циферблате подползает к шести, когда Гардиус восторженно всплёскивает руками, ахает и выбегает из помещения. Судя по всему, он выбрал мой костюм. Внезапно я чувствую себя неловко и поворачиваю голову к зеркалу. В нём отражается вполне симпатичный подтянутый парень. Одно, но — из одежды на нём только еле заметное нижнее бельё, а все тело и волосы выкрашены в зелёный цвет. Я не могу поверить, что они меня выпустят на парад в таком виде! Да ещё и покажут на весь Панем.

Пока Гардиус не вернулся, я разглядываю себя в зеркало, пытаюсь принять свой образ, а команда подготовки бегает вокруг, время от времени подлетая ко мне, чтобы смахнуть упавшую ресницу, либо уложить торчащий волос.

— Вы можете мне принести ещё один энергетический напиток? — прошу я, поглядывая через зеркало на команду. Они синхронно подпрыгивают на месте и начинают суетиться. Складывается такое ощущение, будто они думали, что я не умею разговаривать.

Я начинаю смеяться. Капитолийцы одновременно останавливаются и замирают, глядя на меня, что смешит меня ещё больше. Через мгновение открывается дверь и входит мой стилист. От неожиданности команда подготовки снова вздрагивает, один из них падает в обморок. В этот момент у меня уже не хватает сил сдерживаться, и я смеюсь во весь голос.

— Дорогой, я понимаю, что ты возбужден предстоящим парадом, но не нужно так смеяться! У тебя краска с тела потекла! — я вытираю слезы с лица, а Гардиус поворачивается к команде подготовки и закатывает глаза. — Быстро всё поправьте!

Пока капитолийцы пытаются закрасить все разводы и выровнять тон, стилист восхищённо меня разглядывает.

— Ты просто очарователен! — говорит он.

— Очарователен? Ты шутишь? — я уже в приподнятом настроении, поэтому меня не возмущают его слова.

— Конечно, очарователен! Не просто очарователен, а бесподобно красив! Ты определённо понравишься спонсорам и всем остальным! И они будут в восторге от моей работы!

— Да уж, больше всего я понравлюсь жителям дистриктов, которые посмеются вдоволь надо мной... — бормочу я себе под нос.

— Кстати, я принес тебе еще один энергетик, если ты хочешь, конечно.

Я благодарю Гардиуса, принимаю бокал и одним глотком выпиваю кисло-сладкий напиток.

Глава 7. Всё слишком яркое.

Когда я вижу Джесси, то невольно начинаю хихикать, прикрывая рот ладонью, на которой (спасибо команде подготовки) не осталось ни следа от мозолей. По всей вероятности, это нервное.

Сейчас мы с сестрой похожи друг на друга как никогда. Единственное отличие — ей хотя бы грудь прикрыли.

Она бросает на меня убийственный взгляд, буквально кричащий «хоть слово, и я тебя прикончу».

— Зато не голые! — видимо, выпитый мной энергетик обладает ещё и особенностью поднимать настроение.

— Да замолчи ты уже. Только обнадёжил меня тем платьем, которое в поезде описывал. — огрызается в ответ Джессика.

Трибутам приказывают становиться на колесницы. На нашей красивым шрифтом выбита цифра «7». Босыми ногами становлюсь на холодную платформу, отчего по телу волной пробегают мурашки. Вокруг продолжает суетиться команда подготовки, исправляя последние недочёты.

Через пару минут двери открываются и выезжает первая колесница. Очень скоро наступает наша очередь, и лошади сами трогаются в нужный момент. Перед самым выездом на улицу я поворачиваюсь к сестре, крепко сжимаю её руку и прошу не забывать о советах менторов.

На мгновение меня ослепляет яркий свет направленных на нас прожекторов. Когда взгляд проясняется, я могу наконец-то разглядеть место и людей.

Не буду лгать, что каждый год, лет с десяти, я представлял себя на параде трибутов. Почему именно на параде? Наверное, потому что с этого момента всё на самом деле начинается. Ты начинаешь осознавать, куда ты попал и какая твоя цель. Тогда мне было интересно, какие бы я испытывал чувства, проезжая мимо этой безликой толпы. Страх перед близкой смертью? Смущение, жалость, воодушевление, злость? Странно, но сейчас у меня только одно желание — понравиться людям и произвести хорошее впечатление, чтобы завоевать спонсоров. Именно это попросили нас делать Фир и Яго. Поэтому, как только я вижу направленную на меня камеру, я подмигиваю и игриво улыбаюсь, а затем пытаюсь выразить лицом «Я будущий победитель, вы меня любите». Джесс, увидев это, посылает в камеру и в толпу воздушные поцелуи. Я слышу, как дико ревёт и ликует толпа. Слышу, как они кричат наши имена и молюсь, чтобы среди этих людей оказались те, кто сможет нам помочь на арене.

Мы едем по середине длинной широкой улицы, вдоль неё выставлены огромные барабаны, в которые бьют полуобнаженные мужчины. За ними стоят трибуны, на которых разместились капитолийцы. Их разглядеть оказывается сложнее — я вижу только одно размытое радужное пятно. Всё слишком яркое.

Впереди виднеется президентский дворец и Круглая площадь. Наверху лестницы стоит президент со своими подчинёнными. Его белоснежные зубы видно издалека. Когда подъезжает колесница Двенадцатого дистрикта, все остальные уже стоят в шахматном порядке на Круглой площади. Президент Сноу произносит очередную, по его мнению, вдохновляющую речь, которую мы все не раз слышали, затем лошади трогаются, делают круг по площади и скрываются в Тренировочном центре.

Глава 8. "Ты тоже боишься?"

Когда Фир подходит ко мне, я встаю с дивана, и он пожимает мне руку.

— Джексон, всё прошло неплохо. — Я уже в который раз слышу от него эту фразу, но она меня радует с каждым разом всё больше. — Ребята, вы бы слышали, что говорили другие менторы и спонсоры. Вы всем понравились.

— Джессика, ты держалась молодцом, постарайся продолжать в том же духе. Вы завоюете все сердца! — Яго обнимает мою сестру, от чего та смущённо улыбается.

В этот момент возвращается Мэдди и стилисты. Её лицо и лицо Гардиуса отображают гордость и счастье, Тигрис же полностью апатична, поэтому мне становится очень интересно, что же она всё-таки думает.

— Все мои знакомые просто в восторге! Детишки, вы так всем понравились! Меня просто атакуют с вопросами о вас! Вы такие красивые! Особенно в этих великолепных нарядах, — Мэдди уже обращается к моему стилисту и загадочно подмигивает ему.

Не отрицаю, что я горжусь собой, но мне почему-то не кажется, что всё так хорошо, как говорят. Мы были одеты как клоуны, кроме того, не сделали абсолютно ничего. Но Джесс счастлива, и я не хочу омрачать сегодняшний вечер.

— Я пойду отмою эту краску, — сообщаю я всем и направляюсь в отведенную мне спальню.

— Только поторопись, в девять часов у нас ужин! — напоминает мне Мэдди.

Я вхожу в свою комнату и в очередной раз поражаюсь её размером и мебелью. Здесь, в отличие от поезда, я чувствую себя намного лучше. Вся мебель из дерева и, видимо, очень новая, так как приятно пахнет. Я закрываю глаза и вдыхаю приятный запах свежеспиленных деревьев и лака. На секунду я возвращаюсь домой. В нашу старую лачугу, где мама с сестрой готовят завтрак, а отец с младшим братом играют на улице. В то время, когда никому из нас не грозило попасть на игры... Но сейчас всё изменилось. Брата нет. Возможно и нас с Джесс скоро не станет.

Я встряхиваю головой, пытаюсь прогнать негативные, но приятные от ностальгии мысли, и вхожу в ванную комнату. Саму ванну для меня уже наполнили и добавили какое-то средство, благодаря которому вода приобрела оранжевый оттенок и вспенилась. У меня остается только сорок минут на водные процедуры, поэтому я не медлю и залезаю в горячую воду. Краска тут же начинает отходить от тела, а аромат воды настолько успокаивающий, что глаза сами закрываются, и я засыпаю.

Когда вода остывает, мой организм подаёт сигнал, что мне давно пора быть в гостинной. Поэтому я наспех смываю с тела то, что осталось, вытираюсь, надеваю припасенную кем-то для меня одежду и выхожу к остальными. Сестра также уже помылась, а ужин стоит на столе.

Первое, что я слышу, выйдя из своей комнаты, это недовольный визг Мэдди:

— Ты практически опоздал!

— Не опоздал же. — меня раздражает наш куратор и я вообще не понимаю, почему она живет с нами. — Да и ничего страшного, если бы и пропустил ужин.

— Как это ничего страшного? — меня даже несколько пугает ошарашенный, а потом и разъяренный вид Глиттер. — Мы здесь для того, чтобы помочь вам выиграть, а не потакать всем вашим прихотям. Я сказала, что ужин в девять, значит все должны быть здесь вовремя! К тому же, мы хотели сообщить вам планы на завтра.

Я устал бороться с этой сумасшедшей женщиной, поэтому просто извиняюсь и сажусь на свободный стул между менторами.

Облокотившись на мягкую спинку, я бросаю взгляд на стол и практически жалею, что чуть не пропустил ужин. Лёгкий куриный суп, лапша с куропаткой и множеством овощей, фруктовые салаты и молочный десерт. Я такое никогда не видел, но, без сомнения, всегда мечтал попробовать. Хоть перед смертью сделаю это, как бы страшно это не прозвучало. Да и сейчас, в отличие от обеда, я могу себе позволить попробовать абсолютно всё.

Когда я приканчиваю очередную порцию салата, подает голос Фир:

— Ну что, с завтрашнего дня мы с вами начинаем активно готовиться к арене. После завтрака вы должны встретиться с нами — со мной и Яго — мы сможем ответить на интересующие вас вопросы. Джексон, для начала ты будешь общаться со мной, а Яго с Джессикой.

После произнесённых Фиром слов, Яго подмигивает Джесс, отчего та краснеет и опускает взгляд. Во мне начинает вскипать кровь. Я не хочу, чтобы кто-то играл с чувствами моей сестры. Тем более перед играми.

— После этого на полдень у вас назначена первая тренировка в центре. Что там и к чему, вам на месте объяснит главный тренер. — продолжает Фир. — Прошу вас побольше наблюдать за остальными трибутами, запомнить, чем они занимаются, что получается у них лучше всего, а что хуже. Это может пригодиться нам в обсуждении ваших дальнейших действий на арене. При этом будьте внимательны к самим себе. Показывать сразу все свои навыки и способности не стоит, иначе еще до игр можете нажать себе врагов и раскрыть свой потенциал. Вы можете взять себе союзников, с которыми плечо к плечу будете сражаться против остальных, но стоит не забывать, что в дальнейшем не останется выбора — либо вы их убьёте, либо они вас. Хотя, я думаю, вы уже знакомы с такой тактикой с прошлых игр.

Я вспоминаю игры, которые показывали последние несколько лет. В основном такие группы не приводили ни к чему хорошему. Все только и ждали, как бы убить своего союзника. Что, собственно, в итоге и делали.

— Ещё прошу вас сегодня вечером обдумать ваши навыки и способности, потому что нам с вами нужно понимать, что вы умеете лучше всего, а над чем нужно поработать. Неизвестно, какая арена ждёт вас в этом году. Например, потребуется ли вам добывать воду в пустыне, — Фир бросает взгляд на Яго, — или же ловить белок для пропитания в снегах. Я думаю, на сегодня мы закончили, если у вас есть какие-либо вопросы, вы можете задать их завтра при личной встрече. А пока у вас свободное время.

Я поднимаюсь из-за стола, когда слышу писк Мэдди:

— Не забудьте, завтрак в десять часов! Джексон, ты меня понял?

— Понял, — закатывая глаза, отвечаю я. — Джесс, идёшь?

Сестра поднимается со стула, и мы идем к лифту.

— Куда мы идем? — испуганно спрашивает девушка.

— Не бойся, — отвечаю я. — В то место, куда нам разрешено ходить.

Мы входим внутрь лифта, и я нажимаю самую верхнюю кнопку. Когда двери открываются, в лицо ударяет тёплый воздух.

— Нам можно на крышу? Я слышала, несколько лет назад девочка из одиннадцатого намеренно упала вниз и разбилась.

— А я слышал, что это предусмотрели и сделали силовое поле, не позволяющее упасть. Или ты хочешь умереть до игр? Что глупо, учитывая, что ты можешь победить.

— Неужели ты сам в это веришь? — грустно спрашивает Джесси меня, садится в кресло под деревом с удивительными цветами, которых я никогда раньше не видел, и прячет лицо в ладонях.

— Ты готова поговорить об играх? — я беспокоюсь о сестре, так как всё время она избегала этого разговора.

— Они уже через четыре дня. Я должна быть готова. А мне даже сложно говорить о них.

— Джесси, это нормально. Ты боишься. Мне кажется, что все боятся, даже добровольцы.

— Ты тоже боишься? Просто по тебе это совсем не заметно.

— Глупости, — смеюсь я. — Я просто наслаждаюсь тем, что нам здесь предоставили. Нас тут вкусно кормят, хорошо одевают, ухаживают и прочее. Но я боюсь. В большей степени боюсь того, что могу тебя потерять.

Я чувствую, как к горлу подкатывается комок, а на глазах начинают выступать слёзы,

поэтому отворачиваюсь и смотрю сверху на город, пылающий множеством огней.

— Но ты не должен. — В этом вся моя сестра. Упрямая девчонка. — Ты обязан беспокоиться только о себе. Это игры, где победитель только один. А если так получится, что, конечно, маловероятно, что мы останемся с тобой только вдвоем?

— Выбор очевиден. — Да, и к такому варианту событий я готов. Я спешу сменить тему. — Послушай, ты же знаешь, как важна спонсорская поддержка на арене? Нам могут направить прямо на арену оружие, лекарства, еду и прочее необходимое для борьбы и для выживания.

Джесс кивает, а я продолжаю:

— Тогда я хочу, чтобы ты вспомнила, как нам заручиться поддержкой обеспеченных людей.

Джессика прищуривает глаза и на мгновение задумывается.

— На данный момент у нас осталось только две возможности произвести впечатление на спонсоров. — Я киваю. — Это персональный показ, где будут выставлять оценки, и интервью.

— Верно, — подтверждаю я. — Поэтому и к тому, и к другому нам нужно тщательно подготовиться. У нас есть хорошая поддержка — наши менторы и стилисты. Они могут нам помочь в этом, я уверен.

Я вижу, как вспыхивают щеки моей сестры при упоминании менторов.

— Тебя что-то смущает? Ты им не доверяешь?

Джессика краснеет ещё сильнее, но отрицательно качает головой. У меня возникает странное чувство, похожее на ревность. Яго Портшор, наш ментор, всего на три года старше нас, при этом он оказывает некоторые знаки внимания моей сестре. Либо же это идет с её стороны, я не могу понять, так как сам с таким никогда не сталкивался. В любом случае, это может помешать нашей подготовке, а значит, и исходу игр.

Примечание к части

Джексон и Джессика на крыше Тренировочного центра - <https://ibb.co/mjQXD9>

Глава 9. "Тогда первый вопрос - ты готов убивать?"

Я просыпаюсь за тридцать минут до завтрака. В огромное окно в моей комнате светит солнце. Я встаю и зеваю. Кто-то уже включил для меня душ, но я не спешу. Выглядываю в окно и вижу, что жизнь в Капитолии уже кипит — по улицам снуют жители, ездят автомобили, а на всех стенах зданий вывешены экраны, на которых показывают повтор вчерашнего парада. Я кладу на стекло руку и прислоняюсь к ней головой, продолжая наблюдать за картинкой. Наконец, я вижу себя и Джесс. Не могу сказать, что я доволен вчерашним днем, но вид восхищённо смотрящих видео капитолийцев немного помогает мне воспрянуть духом. Видимо, им действительно это нравится.

Посмотрев повтор пару раз, я решаю всё же сходить в душ, после которого надеваю припасённую для меня одежду и выхожу в обеденный зал. Все уже собрались, но я не опоздал. Я даже успеваю заметить, как Мэдди хмурит брови и собирается начать меня отчитывать за опоздание, но, посмотрев на часы, понимает, что я пришёл вовремя.

Я подхожу к сестре, обнимаю её и сажусь рядом. За столом все молчат, чувствуется напряжённая обстановка. Складывается ощущение, что либо все разругались за несколько минут до моего выхода, либо от меня что-то скрывают. Выяснить сейчас это у меня нет настроения.

— Ну что, ребята, приступим к работе? — спрашивает Яго, когда все тарелки пустеют.

Мы с Джессикой молча киваем и, согласно договоренности, расходимся с нашими менторами по разным комнатам — я с Фиром, Джесс с Яго.

Я захожу в свою спальню и сажусь на кровать. Фир берёт стул, ставит его спинкой вперёд и присаживается прямо напротив меня.

— Итак, Джексон. — Начинает ментор. — Для начала скажи мне, насколько ты готов к победе и на что ты готов, чтобы победить.

Я на секунду задумываюсь, решая, как правильно сказать.

— Я готов на всё, чтобы сохранить жизнь сестры. — Так как я очень уважаю мнение Фира, то заглядываю ему в глаза, пытаюсь определить, принимает ли он мой ответ.

— То есть твоя тактика заключается в том, чтобы везде следовать за Джессикой по пятам и отгонять от неё других трибутов? — Фир прищуривает глаза. — Ты правда считаешь, что это верный путь?

— Я не знаю. Я думал, что Вы мне подскажете, как действовать.

— Послушай. Я не могу знать, выиграешь ли ты или твоя сестра — неважно, кто из вас. Я не могу знать, будут ли действовать мои советы, пригодятся ли они тебе на арене вообще. В первую очередь, ты должен поставить цель. Если я правильно понял, то ты стремишься не выжить, а помочь победить Джессике?

— Наверное так... — я опускаю глаза на свои руки.

— Ладно. Если так, то твоё решение может быть даже немного на пользу. Сделаем ставку на интервью. Жители столицы до ужаса любят драмы. А у вас и так всё достаточно плохо — близнецы, были выбраны жителями своего дистрикта, непростая семейная ситуация — безусловно, я знаю о ваших сёстрах и брате. Думаю, что благодаря этому вы сможете заручиться поддержкой спонсоров, а мы с Яго постараемся поспособствовать этому. Но при всём этом, прости за честность, я не верю, что твоя сестра сможет выйти хотя бы в десятку трибутов, даже при твоей поддержке.

— Вы её не знаете! — мой голос становится похожим на рык. — Она сильнее, чем Вы думаете!

— Послушай, — наставник привстаёт со стула и кладёт свою руку мне на плечо, пытаюсь меня успокоить. — Я не спорю с этим. Просто я адекватно расцениваю ситуацию. Пойми, я не вчера родился, знаю игры изнутри, я был ментором двадцать три чёртовых года. Я вижу трибутов насквозь. Практически с первого взгляда можно понять, как долго человек продержится на арене.

От его слов у меня начинает щипать глаза. Мне обидно думать, что человек, которым я восхищался, может говорить, что я не смогу защитить сестру, что она умрёт практически в самом начале.

— Ну так научите меня! Научите, как сделать так, чтобы победу одержала Джессика!

— Джексон, успокойся! — я впервые слышу, как Фир поднимает голос. Он нависает надо мной, на его лице мимолётом пробегают злость, но он быстро берёт себя в руки и возвращается на своё место. — Я повторю то, что сказал вчера. Я не знаю, какой будет новая арена, я не знаю навыков остальных трибутов. Не знаком пока и с вашими преимуществами. Множество умений проявляются только в стрессовых ситуациях. Я здесь для того чтобы помочь тебе осознать, на что ты способен и направить твои способности в правильное русло.

Я молчу, пытаюсь переварить то, что сказал ментор.

— Хорошо, я готов учиться. — коротко произношу я фразу, которую хочет услышать мой собеседник, хотя в голове всё равно крутится только одно. «Я смогу защитить Джесс».

— Отлично. Тогда для начала расскажи, что ты умеешь хорошо делать.

— Ну топором владею неплохо. — начинаю я, слегка потупившись.

— Как и все в Седьмом, — улыбается Фир. — Что, без сомнения очень пригодится. Что ещё?

— Ещё вроде бегаю быстро. И ловушки на мелких животных могу ставить.

— Отлично. Ты извини, конечно, но ничего нового. Каждый человек из нашего дистрикта это умеет. Но я не говорю, что это плохо. Это очень хорошие навыки для выживания. С помощью топора ты сможешь построить себе убежище, а также использовать его в качестве оружия — нужно только немного попрактиковаться в этом плане. Бег понадобится без вопросов в том случае, когда нападение будет невозможно. Ловушками ты можешь добывать себе пропитание, а ещё их можно усовершенствовать, чтобы использовать против противников. Сегодня ты побываешь в тренировочном зале, там ты найдешь много нового оружия и секций, в которых обучают чему-то. Я хочу, чтобы ты побывал в каждой из них, попробовал свои силы. Возможно, узнав что-то новое, ты тоже сможешь получить некое преимущество. Ты видел других трибутов?

Я киваю, вспоминая их на параде.

— Видел. Понятно, почему их выбрали. Каждый из дистриктов хочет победить, поэтому в большинстве они выбирали самых крупных, сильных, ловких и обученных людей.

— Согласен, но это не должно нас останавливать. Я слышал, почему выбрали именно вас двоих. Но это лишь доказывает, что вам двоим нужно более упорно работать. У вас всего три дня на тренировки. Джексон, ты не должен сомневаться в себе и своих силах. Представляешь, как было сложно первым участникам игр? Тогда и не было особо никаких наставников, спонсоров и прочего. Сейчас ты должен использовать все предоставленные тебе возможности, но самое главное — поставить себе правильную цель.

Я снова киваю, обдумывая его последнее предложение.

— Вы правда думаете, что я не смогу защитить сестру? — очень тихо спрашиваю я, отчасти надеясь, что Фир не услышит, ведь его ответ вряд ли меня порадует.

— Я хочу, чтобы кто-то из вас двоих победил. — тон ментора слегка смягчается. — Пытаясь защитить Джессику, ты можешь нехило подставить себя самого, а без поддержки она одна точно долго не продержится. Ты можешь либо просто оттягивать её смерть и тем самым поставить себя под удар, либо бороться за *свою* жизнь. А победитель в играх только один. То есть либо никто из вас, либо ты. Прости, но ситуация выглядит именно так. Я не хочу тебя обнадеживать, поэтому говорю правду.

Я молчу. Понимаю, что он может быть прав, но не хочу в это верить. Джессика — вот кто заслуживает жить. Не я. Джесс — самый чистый и светлый человек, которого я знаю. Если она выиграет и отношение жителей Седьмого к нашей семье поменяется, она сможет совершить великие дела. Такие, на которые я не способен.

В этот момент дверь в спальню открывается и вваливается Яго.

— Ой, фы ефё не факонфили? — мямлит он, переводя взгляд от меня к Фиру. В его руке огромное яблоко, а рот забит. — У наф пфосто офталось не так много фремени до начала тренирофки.

Фир многозначительно смотрит на меня, говорит, что мы продолжим позже и выходит из комнаты. На его место садится младший наставник.

— Ну как настрой? — игриво спрашивает он, наконец-то прожевав огромный кусок, мешающий ему нормально говорить.

— Отвратительный, — отвечаю я, не особо настроенный на разговор с ним. Неприятный осадок у меня остался после того, как я увидел, как он относится к моей сестре.

— Замечательно! — хохочет Яго. — Тогда первый вопрос — ты готов убивать?

Этот вопрос и его позитивный настрой застают меня врасплох. До этого момента я не задумывался об этом, просто знал, что скорее всего придётся это делать. Осознание того, что придётся лишить кого-то жизни заставляет меня засомневаться. А отношение Яго к ситуации делает всё только хуже.

— Если это означает выжить, то готов. — сухо произношу я.

Яго прищуривает и без того узкие глаза, пристально осматривает меня с ног до головы и несколько секунд молчит.

— В чем твоя проблема? — наконец спрашивает он меня, скрестив руки на груди и закинув одну ногу на другую. — Я заметил, как ты со мной общаешься и...

— А я заметил, как ты общаешься с моей сестрой. — процеживаю я сквозь зубы, пытаюсь сдержать нарастающий гнев. — Я не позволю тебе играть с ней, как ты захочешь.

Яго на мгновение затихает, а затем раздражается залиvistым смехом. Он хохочет до тех пор, пока у него не начинают слезиться глаза. Я начинаю понимать, как нелепы мои подозрения.

— Ты считаешь, что она м-мне нравится? — Яго икает от сильного смеха. — Нет, безусловно, она очаровательная, но я не рассматриваю её в этом плане.

— Что ты имеешь ввиду?

— А то, что она благодаря своей привлекательности сможет выжить.

Я хмурю брови, пытаюсь понять, к чему ведёт мой собеседник. Но слова «сможет выжить» крепко цепляются в мой мозг.

— Понимаешь, половина трибутов на арене — парни. А она симпатичная девчонка. Она может соблазнить, а затем втихую прикончить. Это может быть для неё неплохой тактикой. Вот только она очень стесняется своей красоты, поэтому постоянно краснеет, когда я об этом говорю.

Я молчу, обдумывая ситуацию. Ведь Яго прав. Это может стать хорошим способом. Мне становится смешно.

— Извини, что не так подумал о твоих намерениях.

Яго хихикает, но после серьёзно продолжает:

— Тебе нужно поменьше её опекать, ты знаешь это?

Я удивленно округляю на него глаза.

— Джесс говорит, что ты слишком о ней заботишься. Она не хочет мешать твоей победе. Она считает, что ты должен думать о себе. И знаешь что? Она права. Это Голодные игры. Это не обычная жизнь или какая-то безобидная игра. На Голодных играх каждый за себя. Ты должен позволить ей сражаться самой за свою жизнь. Она сама этого хочет. Ты думаешь, что если она выиграет, то сможет жить с мыслью, что ты погиб, пытаясь защитить её, что она виновата в твоей смерти?

— Думаешь, что я смогу жить с этой мыслью? — мой голос ломается, когда я представляю такой исход событий.

Яго обречённо вздыхает.

— Какие же вы проблемные ребята. Было бы гораздо проще, если бы вы не были знакомы. Вы оба пытаетесь защитить друг друга. Только в разном плане — ты её от всех, а она тебя от себя. Послушай, я хочу, чтобы после тренировки, когда будет свободное время, ты поговорил с сестрой на эту тему. Даже если она не захочет, ты должен её заставить. А ещё убедить её в своей соблазнительности. Я обговорил эту тактику с Фиром, он тоже считает, что это будет прекрасным способом избавиться хотя бы от нескольких противников.

Оставшееся время мы просто болтаем, обсуждая его победу на играх пять лет назад, и просто хохочем, затем в комнату входит Джесс, и мы с ней вместе отправляемся на нашу первую тренировку.

Глава 10. В этом все мы. Всегда пытаемся защитить друг друга.

Мы прибываем в центр за пять минут до начала тренировки, практически все трибуны уже находятся здесь. Никто из них не общается между собой, все стоят слегка на расстоянии друг от друга, полукругом выстроившись перед высоким и коренастым мужчиной. У каждого участника на спортивной форме напечатан номер дистрикта, который он представляет.

Когда последние трибуны присоединяются к нам, мужчина прочищает горло и глубоким басом произносит:

— Добрый день. Меня зовут Байон, я являюсь главным тренером этого комплекса. В первую очередь, хотелось бы сообщить вам главные правила.

Краем глаза я замечаю, как парень из Второго закатывает глаза. Кажется, мы будем иметь дело с бунтарём.

— Уносить с собой оружие и инвентарь запрещено. — продолжает Байон.
— Тренироваться вы можете только здесь. Категорически запрещено драться с другими трибунами. Общаться друг с другом вы можете, но без каких-либо физических контактов — мы за вами следим. Нарушение правил может сыграть с вами злую шутку. Не берусь утверждать, но возможен вариант исключения спонсорской поддержки, а возможно что-то еще хуже — в данном случае решают распорядители. Они же также могут посещать ваши занятия, но разговаривать с ними вам запрещено. Ваше присутствие на тренировках обязательно, но чем вы здесь будете заниматься — ваше дело. Не рекомендовал бы вам отлынивать, даже если вы уже уверены в своей победе. Кто-то из вас умеет выживать, кто-то драться. Я рекомендую вам подучиться всему.
— Тренер медленно обводит взглядом каждого из присутствующих, слегка задерживая его на том самом трибуне из Второго, а затем продолжает. — Как вы видите, зал разбит на несколько секций. В каждую из них у вас есть свободный доступ. За каждой секцией закреплены персональный тренер и помощник, которые могут ответить на ваши вопросы, а при необходимости помогут отточить навыки.

Байон проводит нам полный инструктаж, показывая каждую секцию. В это время я иду в конце толпы и разглядываю других трибутов, припоминая слова Фира о том, что нужно выявить сильные и слабые стороны соперников. Когда тренер заканчивает экскурсию, нам дают возможность выбрать, с чего мы хотим начать. Все, кроме нас с Джесс сразу направляются в секцию с оружием.

— С чего хочешь начать? — спрашиваю я сестру.

— Туда, где учат делать яды, — коротко отвечает она.

— Отлично, пошли. — Я уже делаю несколько шагов к нужной секции, когда Джессика меня останавливает.

— Нет, Джекс, я хочу одна.

Я непонимающе смотрю на неё.

— Что значит одна? Ты хочешь тренироваться отдельно от меня?

Девушка чуть ли не кричит, приблизившись к моему лицу:

— Дай мне шанс попробовать что-то сделать самой. Хватит опекать меня!

Меня поражает такая реакция, поэтому молча стою и смотрю на неё. Через мгновение без слов разворачиваюсь и присоединяюсь к остальным. Безусловно, меня задел её ответ, но я понимаю, что она сейчас очень напряжена и напугана. Сложно оставаться самим собой накануне практически неизбежной смерти. Я встряхиваю головой, пытаюсь прогнать негативные мысли и обращаю взгляд к центру.

Секция с оружием практически самая большая. На каждый вид орудия имеется по паре тренеров и несколько манекенов. Первое, на что я обращаю внимание — трибуты идут туда, с чем они знакомы, чем уже умеют управлять. Поэтому достаю из кармана блокнот и карандаш и записываю, кто из ребят чем занимается. Фир рекомендовал сделать мне это для дальнейшего обсуждения.

Конечно, я тоже хочу в первую очередь обучиться навыку владения топором. Рубить деревья то я умею, а вот использовать его в качестве оружия нет. Поэтому подхожу к тренеру и прошу его помощи.

Ближе к трём часам объявляют перерыв на обед. При этом разрешено перекусить прямо на тренировочном этаже, на котором для этого отведена отдельная зона. Так сказать, чтобы сильно не отвлекаться от обучения. Я беру несколько сосисок, яйцо и сэндвич с индейкой, наливаю кофе и разглядываю толпу. Остальные трибуты, так же как и я, присматриваются друг к другу, пытаюсь понять, кого стоит опасаться, а с кем можно заключить союз. Несколько человек на обеде отсутствует, в том числе и Джессика. Я очень переживаю за неё, но решаю поговорить с ней вечером. Учитывая наш последний разговор, она не хочет тренироваться со мной. Мне не хочется думать, что она действительно так считает.

По совету ментора я прохожу из одной секции в другую. Действительно, я приобрёл полезные знания, например, как добывать воду в зависимости от погоды и окружающей среды, как ставить ловушки на крупных зверей, надолго задерживать дыхание и прочее. Ближе к концу занятий я отмечаю, что некоторые уже начинают сбиваться в группы — ребята из Первого и Второго дистрикта, Четвёртый с Одиннадцатым. Все остальные по одиночке.

В восемь часов тренировка заканчивается, и все по очереди начинают подниматься на лифте на отведенные им этажи. При этом создается очередь, так как никто не хочет ехать с соперниками из других дистриктов. С Джессикой мы не разговаривали с самого начала тренировок и поднимаемся в лифте также молча. При этом она даже и не смотрит в мою сторону, разглядывая с особым интересом кнопки лифта. Но если она

просит дать ей свободу — пусть так и будет.

Как только мы прибываем, Мэдди отправляет нас в душ, а затем всей компанией сразу садимся за стол. За ужином мы с Фиром активно обсуждаем сделанные мной заметки и разрабатываем стратегии. Джессика молча ест, а Яго задумчиво смотрит на неё, но позже присоединяется к общему разговору.

Когда моя сестра заканчивает есть, то коротко бросает: «Всем доброй ночи» и направляется в свою комнату. Глубоко вздохнув, Яго идет следом за ней и прикрывает дверь. Некоторое время мы со старшим ментором продолжаем сидеть за столом, проговаривая все нюансы. Всё это время я гипнотизирую дверь в спальню Джессики, пытаюсь представить, что происходит сейчас внутри неё и внутри её головы. Скоро говорю Фиру, что устал, желаю всем спокойной ночи и иду в свою комнату. Путь в неё пролегает мимо комнаты Джесс. Когда я прохожу её, то слышу всхлипы сестры и приглушенный голос Яго. Подслушивать я не собираюсь — если Джессика захочет мне что-то рассказать, то она сделает это.

Некоторое время я просто ворочаюсь в постели, пытаюсь заснуть, но не выходит. Я подхожу к окну и открываю его, мне очень не хватает свежего воздуха. На улице шумно, жители Капитолия бесконечными толпами слоняются по освещенным улицам, со всех экранов до сих пор звучит голос телеведущего, обсуждающий выступления трибутов на параде.

Оставив окно открытым, ложусь на кровать и закрываю глаза. Перед ними возникает образ плачущей Джессики. Я снова поднимаюсь и в этот раз направляюсь в её комнату, несмотря на поздний час. Тихо стучусь в дверь, но ответа не слышу, возможно она уже спит. Но мне крайне необходимо сейчас её присутствие, поэтому слегка приоткрываю дверь, вхожу внутрь и вижу, что она не спит, а сидит на подушке на полу возле кровати, устремив взгляд в окно.

— Ты не против? — спрашиваю я, беря другую подушку и присаживаясь рядом с ней. Она молча кивает. — Эй, ты в порядке?

— Разве можно в нашей ситуации быть в порядке, Джекс? Через три дня мы собираемся умереть...

Я не хочу переубеждать её, чтобы не начать ссориться, поэтому просто молчу.

— Как прошла тренировка? — сестра задумчиво задаёт вопрос, по-прежнему разглядывая горизонт.

— Ну я думаю, ты слышала, мы с Фиром и Яго обсуждали всё за ужином. Если хочешь, расскажи, как прошел твой день.

Джесси отрицательно мотает головой.

— Знаешь, я думаю, что у меня есть крохотный шанс выжить. — При её словах моё сердце радостно скачет. Наконец-то она это осознала. — И без твоей помощи. Мы с

Яго...

Я не даю ей закончить:

— Да, он мне рассказал об этом. Я знаю, возможно ты не захочешь меня слушать, но я согласен с ним. Понимаю, что не так просто пересилить себя, делать то, что ты не привыкла, но это же действительно поможет тебе.

— Я знаю... — задумчиво произносит девушка. — Я пыталась уже сегодня, но все парни выглядят такими опасными, я боюсь, что они могут сделать со мной.

— Послушай, практически каждый человек имеет сердце, ты сможешь очаровать их. Если ты постараться, то у тебя всё получится, я верю в тебя. — Джессика поворачивается ко мне, в ее глазах стоят слезы. Я понимаю, что именно этих слов ей не хватало. — Только, пожалуйста, не отказывайся от моей помощи, не отдаляйся от меня, ты мне так нужна...

Я притягиваю её к себе и крепко обнимаю. Джесс медленно и неуверенно отвечает на мои объятия.

— Я думала, что будет проще и правильней, если я дам тебе возможность самому тренироваться и не следить за каждым моим шагом.

— Глупенькая, — я беру её лицо в ладони и заглядываю с улыбкой в глаза. — Я никогда не перестану приглядывать за тобой. Я не могу поверить, что ты думала, что таким образом сможешь избавиться от меня.

Её лицо на секунду освещается улыбкой, но через мгновение снова становится серьезным.

— Я хочу попросить тебя о чем-то важном. Хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что. — я вопросительно смотрю на нее. — Дай мне возможность сражаться. Я должна сделать это сама. Если я могу стать победителем, то должна одержать победу без твоей защиты. На арене мы можем действовать вместе, но жертвовать собой ради меня я тебе не позволю.

Я улыбаюсь, хотя внутри меня всё разрывается:

— В этом все мы. Всегда пытаемся защитить друг друга.

Джессика выжидающе смотрит на меня и мне приходится произнести:

— Хорошо, обещаю.

Она поднимается на кровать, залезает под одеяло. Я ложусь рядом, слегка приобняв её, и мы засыпаем.

Следующий день повторяет предыдущий — завтрак, беседа с менторами, тренировка,

обед, снова тренировка. Когда я в четвертый раз оббегаю весь тренировочный комплекс, замечаю, что Джессика уже общается с парнем из Второго дистрикта. Кажется, что после вчерашнего разговора она воспрянула духом и поверила в свои силы.

После занятий, как и вчера, за ужином мы с менторами обсуждаем прошедший день, но на этот раз в разговор включается и моя сестра. Она делится успехами в соблазнении трибутов, а Яго дает ей советы по использованию своих чар.

Когда наступает время отбоя, я снова проникаю в комнату Джесси, мы ещё немного разговариваем, а затем засыпаем.

Глава 11. "Я готов получить высший балл."

Нас поднимают с постелей раньше обычного. Сегодня день индивидуальных показов, и у нас есть время ещё немного потренироваться и пообщаться с менторами.

Когда я выхожу из комнаты, за обеденным столом пока никого нет, поэтому я неспешно завтракаю. Выбираю себе молочную кашу, хлеб с сыром и кофе. Когда я заканчиваю, присоединяются остальные. Джессика пропускает завтрак, и мы решаем пораньше прийти на тренировку. Фир и Яго отправляются по своим «менторским» делам, у Мэдди запланирована встреча со стилистами.

Время девять часов утра. В тренировочном центре из трибутов только парочка из Шестого и девочка из Десятого. Я в очередной раз смотрю на неё и не могу поверить, как такую крошку могли выбрать на игры. С виду ей не больше десяти лет, она очень худенькая и не может даже удержать копье. Каждый раз при взгляде на неё у меня сжимается сердце. Хотя я краем уха слышал, как Яго говорил Фиру, что некоторых дистриктах трибуты были выбраны не из-за их силы, быстроты, либо других качеств, помогающих победить. Кого-то ненавидят в дистриктах, как, например, нас, а кто-то очень беден, ведь у богатых всегда была, есть и будет возможность просто откупиться от участия.

Я снова бросаю взгляд на малышку из Десятого. Её так хочется защитить. Но в наших условиях это невозможно. Победитель только один. И если будет необходимость убить её, чтобы помочь выжить сестре, то я сделаю это без колебаний. Не уверен, что смог бы сделать это ради себя, но для Джесси я сделаю это, не моргнув и глазом. Я должен быть жестоким, чтобы одержать победу. Жалость мне не поможет, а только сгубит.

Мы с Джесси разделяемся, так как у каждого из нас есть свой план тренировок. По уже выработавшейся привычке ещё раз по очереди обхожу все секции, снова поглядывая на остальных прибывающих трибутов и на сестру. Обращаю внимание, как мастерски стреляет из арбалета парень из Второго, выделяясь перед моей сестрой, которая стоит рядом с ним и после каждого удачного выстрела очаровательно ему улыбается и хлопает в ладоши; как ловко преодолевает полосу препятствий девочка из Двенадцатого; с какой лёгкостью девушка из Пятого поднимает тяжёлые гири; как быстро орудует мечом трибут из Шестого.

К часу дня Байон приказывает всем завершать занятия и направляться на свои этажи, чтобы подготовиться к индивидуальному показу, который состоится в три.

В гостиной нас уже ждут менторы, Мэдди же до сих пор не видно, чему я только рад. Мы неплотно обедаем, затем разделяемся, и я вместе с Фиром иду в свою комнату, где удобно располагаюсь на кровати.

— Сегодня важный день. — Начинает наставник.

— Зна-а-а-аю... — слегка лениво протягиваю я, заранее переживая по поводу результатов.

— Конечно знаешь. Сегодня важно произвести правильное впечатление на распорядителей и спонсоров. Итак, расскажи, что ты будешь делать?

Я немного теряюсь. Я не знаю, предоставят ли мне выбранное мной оружие, какие в целом будут условия. Может меня поставят посреди пустой комнаты, и я должен буду что-то им показать.

— Если там будет топор, то я покажу, чему научился.

— Ты должен не просто это показать. Ты должен выложиться на все сто процентов. Покажи им ярость. Покажи стремление к победе. Докажи им, что ты готовый победитель. Если спонсоры вложатся в тебя, пока ты будешь на арене, и ты выиграешь, то они обретут невероятную славу и сами заработают на этом кучу денег. Им это и нужно. На самом показе будут присутствовать только распорядители игр и несколько самых крупных спонсоров, остальные же узнают о твоём шансе на победу по оценке, которую ты получишь. Поэтому нужно постараться. — Я очень ценю поддержку Фира, с радостью принимая все его слова. — Конечно, тебе нужно быть готовым ко всему. Сложно сказать, что именно ожидает тебя на показе. Я рад, что ты прислушался к моему совету и научился многому, а не только владению топором. В любом случае, будем надеяться, что нам повезет. — ментор мягко улыбается.

— А что насчёт Джессики? — меня очень волнует этот вопрос, так как нам с ней не удастся пока пообщаться. — У неё есть план?

— Конечно, мы с Яго, как мне кажется, довольно эффективно с ней поработали. Сейчас он с ней также повторяет все нюансы. — отвечает наставник и после небольшой паузы продолжает, — А теперь скажи мне честно, насколько ты готов к неизвестности и на какой балл рассчитываешь.

Я на минуту задумываюсь. Действительно, я научился многим вещам, которые мне определённо пригодятся для выживания, у меня есть стремление помочь выжить сестре. А для этого мне скорее всего понадобится спонсорская поддержка.

— Я готов получить высший балл.

— Отличный настрой, Джексон! Ну что же, нам пора, — глядя на часы, сообщает наставник, после чего мы вместе присоединяемся к Джесси и Яго, которые уже ждут нас у лифта.

Когда мы спускаемся на тренировочный этаж, у самых дверей нас ожидает Байон, который сообщает, что менторам необходимо пройти в отдельный кабинет. Нас с сестрой направляют в дальний конец центра, который до сегодняшнего дня был закрыт.

В помещении в полнейшей тишине сидят практически все трибуны. Каждому дистрикту отведено по отдельной лавке, на которой можно подождать своей очереди. Мы с Джессикой присаживаемся на свою. Я вижу, как её руки трясутся, поэтому беру одну её ладонь в свою и успокаивающе потираю. Оглядываясь по сторонам, отмечаю, что практически все трибуны бледные и погружены в свои мысли.

Когда на часах над вторым входом минутная стрелка подползает к трём, дверь открывается, в неё входит главный тренер и приглашает пройти парня из Первого дистрикта. Тот встаёт с места, нервно отряхивает штаны и проходит в зал.

Секунда. Минута. Час. Мне кажется, что мы сидим здесь целую вечность. Из зала с индивидуальными показами не доносится ни единого звука, поэтому приходится только придумывать, что происходит внутри. При этом ни один из трибутов оттуда не возвращается — вероятно там предусмотрен отдельный выход для тех, кто закончил.

Когда за дверь выходит девочка из Шестого, я чувствую, с какой силой сестра сжимает мою руку. Я поворачиваюсь в её сторону, выдавливаю из себя улыбку, наклоняюсь к ней и тихо шепчу на ухо:

— Джесс, не волнуйся. Мы сделаем это. У нас прекрасные наставники, которые очень хорошо нас подготовили.

Джессика не отвечает, а только слегка качается взад-вперёд с закрытыми глазами.

— Джексон Грин, дистрикт Семь. — Слышу я громкий голос Байона и понимаю, что уже наступил мой черёд.

С трудом отцепляю руку сестры, одними губами произношу ей «Всё будет хорошо» и прохожу в зал.

Первое, что я вижу, это балкон, на котором с удобством расположились распорядители игр и спонсоры. Последние немного отличаются от обычных жителей Капитолия. Более благородные, что ли. Мужчины в тёмных костюмах, женщины в ярких платьях. Все сидят на диванах, между которыми практически незаметно шастают безгласые, то и дело пополняя бокалы с напитками. Прежде, чем пройти дальше, я быстро окидываю взглядом окружающее меня пространство и вижу в одном конце помещения несколько манекенов и стойку со всеми возможными видами оружия, в том числе несколькими видами топоров. Я с огромным облегчением выдыхаю и даже радуюсь, ведь здесь есть то, с чем я действительно могу хорошо работать.

Как только я прохожу в середину зала, все глаза с интересом впадают в меня. Мне становится слегка неловко, так как я совершенно не привык ко вниманию людей. Я прочищаю горло и говорю:

— Джексон Грин, дистрикт Семь.

Главный распорядитель игр кивает мне, давая понять, что можно начинать. Я неспешным шагом направляюсь к стойке с оружием, мысленно прогоняя все приёмы, которым научился. Присматриваюсь к топору с двумя лезвиями, когда слышу шорох позади себя. Резко хватаю своё оружие, поворачиваюсь и вижу, что ближайший манекен движется напрямик на меня. Я немного ошарашен, ведь думал, что они статичны. При этом стараюсь не поддаваться панике и одним ловким движением перерубаю его вдоль всего туловища. В это же мгновение приходят в движение остальные манекены. На этот

раз я готов. Я срываюсь с места, быстро проскальзываю между теней и в одно мгновение отрубая дальнему руки и голову. Манекены движутся в хаотичном порядке, но меня это ни капли не смущает. Кажется, что во мне просыпается боевой дух.

Когда на пол осыпаются щепки от последнего манекена, я подхожу к стойке, кладу на неё топор и поворачиваюсь к распорядителям. Те шепчутся между собой, и я никак не могу понять, какое впечатление произвел на них.

Затем они все резко с интересом поворачиваются ко мне, и в эту же секунду я снова слышу позади себя шорох. Понимаю, что моё испытание ещё не закончено, поэтому хватаю топор поменьше, разворачиваюсь и кидаю его прямым в голову.

Пока оружие летит в воздухе, время замедляется, и я вижу глаза. Вижу в них недоумение, страх и даже удивление. Это глаза *живого* человека. Безгласого парня, примерно моего возраста. У меня холодеют руки, мысли мгновенно вылетают из головы. Топорик вонзается ему чётко в переносицу и тот без единого звука падает на пол. Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги, но продолжаю стоять. Проходит тысяча, а может и миллион лет, когда я наконец начинаю приходить в себя. Я слышу, как кто-то аплодирует. С трудом отрываю глаза от бездыханного тела, лежащего передо мной и разворачиваюсь на звук. Я вижу, как одобрительно кивают распорядители, улыбаются спонсоры. Слегка киваю и выхожу в открывшуюся дверь рядом с балконом.

Глава 12. "Его оценка одиннадцать!"

Я прихожу в себя от лёгкого похлопывания по плечу. Осознаю, что сижу в своей комнате на полу напротив окна, облокотившись спиной на кровать. Медленно поворачиваю голову, чтобы увидеть человека, который вывел меня из этого транса.

— Не стоит так реагировать на случившееся, — мягко произносит Фир, продолжая держать руку на моём плече. — Либо это делаешь ты, либо кто-то другой.

Я непонимающе смотрю на него. Я только что убил человека. Убил ни за что. Как, по его мнению, я должен реагировать?

— Послушай, это была часть задания, с которой ты успешно справился. Прости, что не подготовил тебя к такому, — наставник виновато опускает глаза. — Просто раньше такого никогда не было, и я представить не мог, что распорядители способны на подобное.

Через мгновение его взгляд ужесточается и впивается в меня, а голос становится твёрже.

— Ты должен понять, что это не первый человек, которого тебе придется лишить жизни. У тебя впереди арена и двадцать три противника.

Мой рот от удивления открывается, когда я слышу фразу «двадцать три противника». Моя сестра мне не противник.

— Что... — начинаю я.

— Фир прав, мужик, — слышу я сзади и от неожиданности вскакиваю на ноги.

На кровати, подложив руки под голову, лежит Яго. Когда он замечает мою реакцию, то хихикает и садится, скрестив перед собой ноги.

— Ты думаешь, легко живётся этим безгласым? Возможно, ты избавил его от страданий. Чёрт знает, что эти больные капитолийцы с ним делали. И что могли бы сделать в будущем.

Фир бросает на Яго угрожающий взгляд и просит не расплыться по поводу его недовольства.

— Ну а что? — младший наставник пожимает плечами. — Говорю, что думаю. Плевал я на то, услышат они меня или нет. К тому же, здесь никого нет, кроме нас и безгласых. Вы вряд ли кому что расскажете, а они тем более. Но не суть. Главное, что ты сделал то, что распорядители хотели увидеть. Они предоставили тебе новую мишень, с которой ты, в отличие от других, справился. Это должно принести тебе неплохие баллы.

Я молча обдумываю всё сказанное менторами. Сложно отрицать то, что они говорят. Произошедшее не должно меня пугать. Это должно меня подготовить. Я буду убивать на

арене. Буду убивать невинных детей и подростков. Я убью малышку из Десятого дистрикта. Убью каждого, кто встанет на пути к моей победе. К победе моей сестры. Я смогу это сделать. И я это сделаю.

Тишину разрушает негромкий голос Фира:

— Ты можешь отдохнуть, в восемь часов будут объявлять ваши оценки. Ближе к этому времени все должны быть в гостиной, ведь никто не хочет расстроить Мэдди? А пока свободное время. Если захочешь поговорить, ты знаешь, где меня найти.

Наставники поднимаются и выходят.

Подойдя к окну, я встряхиваю головой и задумываюсь, почему оба ментора были со мной, оба пришли поддержать меня. Очевидно, Джессика не сделала то, что сделал я. Но выяснить это можно только одним способом.

Я выхожу из своей комнаты и на цыпочках подхожу к спальне сестры, дверь в которую слегка приоткрыта. Краем глаза замечаю безгласого, прислуживающего нам с первого дня и мое сердце ёкает. Трясу головой, пытаюсь прогнать негативные мысли и заглядываю в проём. Сестра лежит на кровати и листает какую-то книгу.

— Можно? — спрашиваю я и, как обычно, не дожидаясь ответа, протискиваюсь внутрь, плотно закрывая за собой дверь. — Что читаешь?

— Да тут выбор небольшой. — Джессика немного прикрывает книгу, не отрывая взгляд от страниц и показывая обложку, на которой написано «Дистрикты. От Первого до Двенадцатого». — А ты знал, что в Четвёртом дистрикте есть осьминоги?

— Серьёзно? — у меня вырывается нервный смешок, а я присаживаюсь рядом с ней. — Я думал, что они уже давно вымерли.

— Правда. Ты только посмотри, какие они отвратительные! — Сестра показывает пальцем на картинку и морщит нос. По всей видимости, она не хочет обсуждать индивидуальные показы, поэтому я не порчу ей настроение и не начинаю заводить этот разговор.

Несколько часов мы разглядываем картинки из книжки. Настроение сестры заметно улучшается, и мы даже смеёмся. За пару минут до восьми часов в комнату врывается Мэдди и вопит, чтобы мы выходили в гостиную, так как сейчас будут объявлять наши баллы.

На диване перед экраном уже расположились наставники и наши стилисты. Не совсем понимаю, конечно, что тут делают Гардиус и Тигрис, но не говорю им не слова, кроме приветствия. Мэдди требует от ближайшего безгласого бокал вина и возбужденно что-то балаболит, каждый раз подсаживаясь всё ближе к моему стилисту.

Мы с сестрой присаживаемся на диван на свободные места как раз между менторами и смотрим заставку. На экране появляется популярный ведущий — мужчина

неопределённого возраста, с лысой головой и невероятным слоем косметики на лице. Он напоминает о важности сегодняшнего дня и упоминает всех трибутов, чем запомнился каждый из них капитолийцам.

— А вы видели эту прелестную парочку из Седьмого? — загадочно шепчет Стефан, толпа за кадром ревёт. — У нас для вас, мои дорогие зрители и телезрители, планируется очень интересный сюрприз, связанный с этими двоими. Но расскажем мы вам эту тайну только на интервью!

В студии слышатся многочисленные вздохи, а ведущий переходит к трибутам из следующих дистриктов. Я удивлённо перевожу взгляд от Фира к Яго.

— Давайте мы с вами это позже обсудим, я обязательно вам всё расскажу, — негромко говорит старший наставник.

Через пол часа Стефан, наконец, начинает объявлять оценки, выставленные распорядителями по результатам индивидуальных показов. Как только на экране появляется первая фотография, парня из Первого, и его оценка, я начинаю нервничать. Нога начинает непроизвольно дёргаться вверх-вниз. Первый объявленный балл — восемь. Я перестаю дышать и прикрываю глаза, пытаюсь успокоиться. Мне кажется, что я никогда в жизни так не нервничал. Пытаюсь собраться, но осознание того, что от этой оценки зависят наши с сестрой жизни, приводит меня в лёгкий ужас.

Когда называют оценку девочки из Шестого, все в гостиной, даже Мэдди, перестают обсуждать других трибутов и обращают всё своё внимание к ведущему.

Наконец, Стефан произносит:

— Дистрикт Семь. Джексон Грин. — На экране появляется моя фотография. Все выжидающе смотрят на экран. — Его оценка одиннадцать!

Присутствующие в комнате смотрят друг на друга, переспрашивая мой балл — никто не может поверить в это. Фир вскакивает с места, хватая меня в охапку и поздравляет с таким прекрасным результатом. Все начинают шуметь, поздравлять меня, перебивая друг друга, но снова затихая, когда с экрана доносится имя моей сестры. Ее балл — четыре. Я вижу, как поникает взгляд Джессики, вижу, как Яго берет её руку и успокаивающе говорит, что это неплохая оценка, что с этим можно работать.

После оглашения всех результатов, Мэдди не даёт нам пообщаться с менторами, а тащит праздновать. Никто особо не ожидал, что у кого-то из нас будет такой, как у меня, высокий балл, поэтому праздничный ужин нам приходится ждать, довольствуясь только напитками.

Меня продолжают все поздравлять, я даже устаю от этого. Особенно печально становится, когда мой взгляд в очередной раз падает на Джесс — она сидит одна, ковыряясь зубочисткой в кусочке сыра. Подойти к ней мне не дают возбужденные капитолийцы — куратор и мой стилист. Хочется вырваться из их цепких лап, забрать сестру и выйти на крышу — самое уединённое место в тренировочном центре. Обнять её,

обсудить произошедшее и наши дальнейшие варианты.

Видимо, замечая мой взгляд, Фир присоединяется к сестре и говорит ей что-то, чего я не слышу за визгливым голосом Мэдди. Позже к ним подходит и Яго, успокаивающе потирая Джесс предплечья. Я всё ещё чувствую некоторую ревность, когда вижу, как тот касается моей сестры, хотя уже знаю его отношение к ней. Через несколько минут Джесси уже улыбается, а Фир оборачивается ко мне, незаметно подмигивая. Я одними губами произношу: «Спасибо».

Ближе к полуночи уходят Гардиус и Тигрис, Мэдди ковыляет в свою комнату, держа в руках туфли на огромных каблуках, Фир дремлет на диване, Яго же куда-то пропал.

— Не хочешь подышать свежим воздухом? — тихо спрашиваю я сестру, стараясь не разбудить старшего ментора. Та в ответ кивает, и мы поднимаемся на крышу.

Как только двери лифта открываются, в лицо ударяет прохладный свежий воздух. Именно то, что мне сейчас нужно. Мы подходим к краю и облакачиваемся на перила. Некоторое время просто стоим молча, разглядывая улицы и экраны, на которых то и дело возникают фотографии трибутов с оценками. При этом себя я вижу чаще остальных. Или мне так кажется.

Я поворачиваюсь к сестре и внимательно её изучаю. Когда я вижу её, то сразу в голове возникает образ мамы — Джессика как будто повзрослела и стала на неё очень похожа, особенно с распущенными, слегка взъерошенными волосами. В её глазах за последние несколько дней появилась такая же боль, такое же разочарование в жизни и беззащитность, которую я помню в глазах нашей матери. Я не хочу, чтобы она так же сломалась. Она должна быть сильной. Ради себя, меня и всей нашей семьи.

Я решаю разбить затянувшуюся тишину.

— Ну что, давай рассказывай, что ты продемонстрировала на показе, — я стараюсь не слишком давить на сестру и показать в голосе немного весёлости.

— Это неважно. Уже неважно. Зато я прекрасно знаю, почему у тебя такая высокая оценка. — Джесс несколько осуждающе и печально смотрит мне прямо в глаза. — Ты правда сделал это?

Я не знаю, что ей ответить, поэтому несколько секунд обдумываю, пытаюсь подобрать подходящие слова.

— Да. — говорю я, и взгляд сестры разочарованно опускается на город. — Я не знал. Я не видел его. Услышал только шорох. Точно такой же, как издавали манекены. Я подумал, что моё испытание еще не закончилось.

Я начинаю понимать, что оправдываюсь перед ней, поэтому делаю тон твёрже и продолжаю:

— Он всего лишь первый. Ты должна понимать, что нам обоим придётся сделать это

на арене. Иначе не победить.

— Да, но ты убил его! Этот человек, возможно, прожил бы еще много лет, если бы не ты! — Голос сестры срывается, когда она приближается ко мне и смотрит на меня полными слёз и гневом глазами. — Как ты можешь быть таким жестоким? Мой брат никогда бы так не поступил!

Я хватаю Джессику в охапку, тесно прижимаю к себе и глажу по голове. Она пытается вырваться, кричит, бьет меня, но я сильнее неё, поэтому вскоре она затихает, бессильно опускает руки и просто рыдает. Я продолжаю успокаивающе поглаживать её, не говоря ни слова, пока та не произносит еле слышно:

— Джекс, что с нами стало?

Я не совсем уверен, был ли это прямой вопрос, обращённый ко мне, либо же просто риторический, но всё равно отвечаю:

— Мы те, кем были всегда, Джей-Джей. Просто мы оба должны быть сильными. Ты должна быть сильной.

Я отстраняю от себя сестру и поднимаю её подбородок, чтобы видеть глаза.

— Я никогда не смогу стать достаточно сильной. Никогда не смогу стать такой, как ты. — Её голос дрожит. — Пожалуйста, я тебя прошу, борись на арене за себя. Я отказываюсь от твоей помощи. Если ты меня любишь...

Я не даю ей договорить, потому что каждый раз эти слова разбивают моё сердце.

— Я же обещал тебе. Я тебя когда-нибудь подводил?

Глава 13. "Ты великолепен!"

Когда я просыпаюсь, то первым делом смотрю на часы. Восемь сорок пять. Сегодня нас никто не будит, потому что нам с сестрой нужен хороший сон. Мы должны выспаться и хорошо выглядеть. Сегодня у трибутов берут интервью, которое будут транслировать по всему Панему.

Не спеша принимаю ванну, которую для меня подготовил приставленный к моей комнате безгласый и прошу его открыть ставни на окнах. Когда возвращаюсь в комнату, вижу толстый махровый халат, лежащий на кровати. Судя по всему, меня ждёт встреча со стилистом. Надеваю халат и босиком выхожу в пустой холл. На столе в обеденном зале для меня уже подготовлен завтрак — молочная каша, омлет на поджаренном хлебе, яйца и бекон, паштет, бутерброды, круассаны, фрукты и кофе.

Пока я ем, поглядываю по сторонам и прислушиваюсь. Видимо, никто ещё не проснулся, поэтому слышно только тихое шуршание безгласых. Мне быстро становится скучно, поэтому я беру пару бутербродов в левую руку, ещё один засовываю в рот, прикусывая его зубами, чтобы с него ничего не упало, в правую руку беру большую кружку с кофе и отправляюсь в сторону лифта.

На выходе из него меня встречает свежий воздух и яркое солнце. И шум. Я бы даже сказал, что приятный шум. Слышно, как по улицам ходят люди, ездят машины — всё и все заняты своим делом.

Я пытаюсь дотолкать кресло к самому краю крыши, к перилам, но мне это не удается с занятыми руками. Поэтому приходится оставить всю свою добычу на маленьком стоящем рядом столике и обеими руками тянуть тяжёлое кресло. Следом притаскиваю и сам столик, после чего удобно располагаюсь среди мягких подушек, продолжая наблюдать за жизнью, кипящей внизу.

Интересно, смог бы я жить в Капитолии? Стать таким, как все они? Странно одеваться, быть манерным, вести приёмы, ничем по жизни не занимаясь. У этих бедняг, наверное, нет никаких увлечений. Да и развлечений, скорее всего, тоже. Только Голодные игры. Все жители столицы просто с ума сходят от этого события. Каждый год их одержимость играми показывают во всех дистриктах. Каждый год они вкладывают кучу денег в трибутов, чтобы обрести собственную славу.

Для себя я решаю, что всё же жизнь в этом крупном городе не для меня. Да, здесь есть вкусная еда и её много. Но это всё. Всё остальное не имеет значения. Моя жизнь — Седьмой дистрикт. Родной, расположенный посреди леса, связанный с окружающим миром только железной дорогой. Сосны, осины, дубы, ивы. Свежий воздух с непередаваемыми ароматами свежеспиленного дерева. Дом, в котором живёт родная и любимая семья. Мне бы очень хотелось вернуться туда, хотя бы еще на минутку. Вдохнуть древесные ароматы. Обнять маму. Пожать крепкую руку отцу.

Я настолько растворяюсь в своем воображении, что совершенно забываю про сестру. Про то, что мне важно, чтобы победила именно она. Что это она должна вернуться в наш родной дом. Воссоединиться с родителями. А после жить, ни в чем не нуждаясь — в

будущем они переедут в большой дом, всегда будут хорошо и вкусно питаться. А может, Джессика даже выйдет замуж и родит детей...

От этих мыслей на глаза наворачиваются слезы. Но я заставляю взять себя в руки. Затем, в который раз повторяю, но уже вслух:

— Я сделаю все возможное, чтобы Джесс выиграла.

Когда уже съедены все бутерброды, весь кофе выпит, а солнце поднялось достаточно высоко, я слышу, как сзади раздается пренеприятнейший звук, от которого мозги из ушей могут политься. На крышу вбегает Мэдди с сумасшедшим взглядом, сопровождаемая хихикающим Яго и нахмуренным Гардиусом. В ожидании очередной истерики, пытаюсь абстрагироваться, засовываю руки в карманы халата и направляюсь к прибывшей компании. Через мгновение чувствую, как по плечу меня хлопают.

— Ну, мужик, ты, конечно, попа-а-ал — протягивает Яго.

Я оглядываюсь по сторонам, не наблюдая капитолийцев.

— А где...

— Чувак, ты где вообще? Я же только что их отправил вниз! Я не смог бы выдержать ещё одну поездку с Мэдди на лифте. Ты не представляешь, каково это, слушать её визг в таком крошечном пространстве. Я почти оглох, — хохочет наставник.

В ответ я лишь закатываю глаза.

— А если серьезно, тебя все обыскались. В десять часов к вам пришли стилисты, а тебя нигде нет. Глиттер такую панику развела, ты даже себе представить не можешь. Всех на уши поставила. Даже бегала к охране комплекса, чтобы камеры проверили.

— А Джесс?

— А что она? Ровно в десять направилась к Тигрис. По-моему, она даже не в курсе твоего исчезновения.

После нашего недолгого разговора мы с Яго спускаемся вниз. Уже на уровне десятого этажа я слышу писклявый голос моего куратора. Когда двери лифта открываются, я вижу недовольные взгляды, направленные в мою сторону — Мэдди, Фир, Гардиус, команда подготовки. Рядом снова хихикает Яго. Без единого слова, команда подготовки берет меня под руки и ведет в ту часть этажа, где меня готовили к параду. Гардиус демонстративно разворачивается на каблуках и идет немного впереди, высоко задрав подбородок.

В этот раз мне удастся избежать очередного неприятного мытья, видимо, из-за моего

опоздания, поэтому сразу направляемся в гардеробную. Там меня ставят на небольшой подиум посередине комнаты и за пару минут облачают в новехонький смокинг. На мгновение я вспоминаю, что именно таким Джессика хотела меня видеть на параде. Тогда это не удалось. Думаю, что сейчас ей очень понравится.

Я поворачиваюсь к Гардиусу, желая поблагодарить за чудесный наряд, но встречаю лишь холодный взгляд.

— Гардиус... — начинаю я, чувствуя, как обижен моим поступком стилист.
— Пожалуйста, прости меня. Я на самом деле не хотел опаздывать. У меня просто не было часов. Я потерял счет времени.

Я вижу, как взгляд капитолийца начинает смягчаться, поэтому продолжаю:

— Такого больше никогда не повторится. А этот костюм просто великолепен! Как, впрочем, и тот, что ты подготовил для меня на парад. — Здесь я слегка преувеличиваю, но знаю, что эти слова могут подействовать. — Ты самый гениальный стилист, которого мне когда-либо приходилось встречать!

На моих последних словах Гардиус ударяется в слезы, счастливо улыбается и, подбежав ко мне, обнимает.

— Ничего страшного, мой дорогой! — Я всё ещё слышу его всхлипывания. — Я надеюсь, что ты действительно усвоил урок.

Пока стилист приводит себя в порядок, а команда подготовки бегает вокруг меня, делая метки, помогающие в дальнейшем подогнать под меня идеально костюм, я разглядываю образ. Действительно, он мне очень нравится. Белая рубашка, бархатный пиджак глубокого изумрудного цвета с маленьким стоячим воротничком, отделанным по краям золотыми брошками в форме листьев, такого же цвета брюки, золотой галстук-бабочка, опять же, с листьями и коричневые туфли.

Но мне не дают вдоволь насладиться своим видом, а переодевают обратно в халат, заставляют пройти через водные процедуры, а затем отправляют на растерзание к Мэдди.

Куратор и сестра ждут меня за обеденным столом. Мэдди сидит, скрестив руки на груди и сверлит меня взглядом.

— Мэдди, умоляю, прости. Я всё понял. Я был неправ.

— Ты хоть понимаешь, как ты нас подвел? — начинает заводиться Глиттер, но я не даю ей договорить.

— Понимаю. Мы с Яго и Гардиусом все обсудили. Они меня как следует отчитали, так

что я искренне раскаиваюсь в содеянном.

Когда моя собеседница слышит, что стилист со мной уже поговорил, то слегка отходит.

— Смотри у меня! Я буду более пристально за тобой следить!

Я вижу, как коротко хихикает сестра, но затем снова становится серьезной, пытаюсь показать Мэдди, что полностью с ней согласна.

— Сегодня у вас двоих интервью, поэтому нужно вас подготовить, научить некоторым манерам, — куратор делает акцент на последнем слове, откровенно пялясь на меня. — Научить правильно вести себя перед публикой и подготовить к возможным вопросам Стефана.

Ближайшие два часа Мэдди учит нас вещам, по её мнению, очень важным — как сидеть, как махать рукой аудитории, как правильно улыбаться и прочей ерунде. В начале я действительно пытаюсь запоминать, осознавая, что она знает, что именно нравится капитолийцам, а значит нашим потенциальным спонсорам. Но вскоре понимаю, что усвоить все эти бестолковые вещи достаточно сложное занятие.

В час дня меня снова забирает команда подготовки. Меня снова моют и бреют во всех местах, стригут волосы и выщипывают брови, мажут различными кремами и даже заставляют вставить в глаза какие-то зелёные стеклышки, преображающие мой собственный цвет, называемые линзами. От этих линз глаза у меня слезятся и краснеют. Но стилист не отказывается от своей затеи, поэтому какает мне какое-то средство, от которого жжение мгновенно проходит, остается только небольшой дискомфорт.

Когда меня снова одевают в костюм и поворачивают к зеркалу, я не могу узнать себя — оттуда на меня смотрит красивый, ухоженный и элегантно одетый парень.

— Гардиус...

— Милый, у меня самого практически нет слов. Ты великолепен! Осталось только одно, — он открывает шкатулку, которая неизвестно каким образом появляется в его руках, и достает из неё золотые часы с большим циферблатом, отделанным под дерево, и узорными цифрами. — Это подарок лично от меня.

— Гардиус... — повторяю я. Меня в самом деле очень трогает поступок и реакция стилиста, поэтому я без слов подхожу к нему и просто обнимаю. Тот в ответ начинает всхлипывать и говорит, что мне пора на интервью.

Глава 14. "Победит сильнейший, так ведь, Джей-Джей?"

Выйдя в холл, я теряю дар речи. Передо мной, скромно опустив глаза в пол, стоит Джессика. Я никогда не подозревал, насколько она красива. И сегодня её стилист с командой подготовки сделали невероятную работу. Весь образ — от идеально уложенных тёмно-рыжих волос до едва заметных узоров на платье — делает её похожей на ангела. Лёгкий макияж, мягкие локоны, длинное нежно-розовое платье со шлейфом — все безупречно подчеркивает её достоинства.

Я возвращаюсь к реальности, когда слышу, как рядом присвистывает Яго. Улыбаюсь и слегка толкаю его в бок локтем.

— Ну а что? — спрашивает младший наставник. — Не говори только, что ты бы не влюбился в такую красотку. Ну, конечно, если бы она не была твоей сестрой.

Джесс краснеет, а все остальные продолжают охать, разглядывая нас обоих. При этом я мысленно соглашаюсь со словами Яго. И я очень надеюсь, что план менторов в отношении моей сестры сработает.

— Хватит уже! — огрызается на меня Джессика.

Я в недоумении смотрю на неё:

— Что?

— Хватит на меня пялиться!

— Что? — до меня не сразу доходит смысл сказанного. — А-а-а... Я не могу.

Сестра закатывает глаза.

— Не можешь не пялиться?

— Именно. Ты сегодня просто великолепна.

— Я знаю. — Джессика игриво откидывает прядь волос назад. — Будь моя воля, всю жизнь бы так ходила!

Я в ответ тихо смеюсь. Через мгновение взгляд девушки становится грустным.

— Хотя, кого я обманываю? Я не привыкла к тому, что все так на меня смотрят. Пожирают глазами. Мне ужасно неловко, я не понимаю, как себя вести.

— Что значит «не понимаю»? А Мэдди нас что ли зря сегодня учила? — Я подмигиваю сестре.

— Нет, но я не уверена, что у меня получится. Даже, скорее, уверена, что не получится. Ты же знаешь, что я не привыкла к людям и вообще ко вниманию. А в этот раз на меня будет смотреть весь Панем.

Я вижу, что она бледнеет, поэтому беру её за руку.

— Послушай, Джей-Джей, — она поднимает на меня глаза. — Если ты думаешь, что не справишься, то не нужно играть на публику. Просто будь собой.

Джессика тихо смеётся, отчего я удивлённо округляю глаза.

— Знаешь, ты говоришь точно так же, как Фир.

— А он хороший наставник, правда?

Мы вместе начинаем смеяться в голос, после чего все трибуты, сидящие с нами в одном помещении, синхронным движением поворачивают головы в нашу сторону. Это смешит нас ещё сильнее.

Сейчас мы сидим за сценой аудитории, где будет проходить интервью. Всего двадцать шесть человек — трибуты и два работника студии. Судя по часам, висящим на дальней стене, начало шоу задерживается, ведь ребята из Первого должны были выйти уже четыре минуты назад. Пока есть время до интервью, разглядываю помещение, в котором мы сидим. Пол, отделанный золотым орнаментом, мягкие диваны по количеству дистриктов, стол с напитками. Но самое интересное — это стены. Сами они выкрашены в непонятный оттенок оранжевого цвета, а на них развешаны фотографии предыдущих победителей. Больше число фотографий над диваном Первого и Второго дистриктов — четыре и три победы соответственно. Меньше у последних трёх — всего по одной рамке. У всех остальных одинаковое количество, по две. Зато над нашим диванчиком красуется самая большая фотография — изображение победителя первых Голодных игр, Фира.

Хоть фотография и большая, мне всё равно хочется встать, чтобы детальнее разглядеть своего старшего наставника. С изображения на меня смотрит парень моего возраста — Фир попал на игры за неделю до своего восемнадцатилетия. Слегка испуганный взгляд, длинные тёмные волосы, собранные в хвост. Кажется, что больше ничего не отличает его от нынешнего. Кроме, конечно же, морщин, местами уже седой бороды и лёгкой не проходящей усталости в глазах. Сложно представить, каково ему каждый год готовить к бойне подростков, практически на сто процентов обречённых на смерть. Чуть ниже него расположилось фото Яго, которое не отличается по размерам от остальных, висящих на стенах. Да и сам он за пять лет ни капли не изменился — всё та же хитрая улыбка и блеск во взгляде, смешанный с яростью.

Неожиданно в помещение вбегает капитолиец в наушниках, быстро говорит что-то про то, что у нас есть еще около семи минут до начала первого интервью, затем открывает дверь, в которую мы заходили и приглашает внутрь менторов и стилистов. Комната мгновенно наполняется шумом и большим количеством людей.

Первыми я вижу команду подготовки, стремящихся в последний раз исправить все возможные недостатки перед выходом. Когда прибывает вся наша команда, обращаю внимание, что среди них нет Мэдди, за что мысленно благодарю всех богов и облегченно выдыхаю. Не хватало, чтобы она испортила мне весь настрой.

— А где Мэдди? — к моему разочарованию спрашивает Джессика, видимо, ища в ней поддержку. — Я хотела бы задать ей ещё несколько вопросов.

— К сожалению, она не может сейчас присутствовать, вы с ней можете увидеться только после интервью. — кратко отвечает Фир.

Я вижу, как огорченно опускается в пол взгляд Джесси. Затем оглядываюсь на Яго и снова замечая этот восхищенный взгляд. При этом, тот не произносит ни слова. Влюбился что ли? Я поворачиваюсь к Фиру и нахожу, что тот задумчиво смотрит на свою фотографию.

— Фир? — мне не хочется отрывать его от раздумий, но времени остаётся мало.

Старший ментор слегка мотает головой, прогоняя мысли, и обращает на меня внимание. Увидев мой удивлённый взгляд, отвечает:

— Извини, задумался. Никогда раньше не был в этой комнате. И уже много лет не видел эту фотографию...

На секунду Фир снова погружается в себя, но быстро возвращается к реальности:

— Что, дать тебе совет перед выходом? — я киваю, немного приподняв правую бровь. — Вас же будут транслировать не только перед спонсорами. Вас увидит весь Панем, все дистрикты.

Я закатываю глаза и выдыхаю:

— Ну спасибо. Успокоил.

Тот в ответ только смеётся.

— Джексон. Ты умный парень. Делай и говори то, что считаешь нужным. Я верю в тебя. Честно говоря, — наставник приближается к моему уху и шепчет, — Я уверен в тебе больше, чем когда-то в Яго.

Последние его слова действительно поднимают мой дух — получить большую похвалу, чем у действующего чемпиона многого стоит! Я благодарю Фира и пожимаю его руку. После я пытаюсь привлечь внимание Яго, который не отводит взгляда от моей

сестры, но это мне не удастся, так как работники студии объявляют, что всё готово и выпроваживают лишних людей. В помещении снова становится тихо.

В следующую минуту за дальней дверью раздаются аплодисменты, и я начинаю нервничать. Сперва вызывают на сцену первую пару трибутов. Через несколько минут вторую. Время от времени я слышу, как рукоплещет и кричит аудитория. Это лишь добавляет масла в огонь. Я встаю со своего места и направляюсь к столику с напитками. Мне сейчас крайне необходимо что-то выпить, так как в горле невыносимо пересохло. Вижу на столе бокал с желтоватым напитком, со дна которого поднимаются пузырьки. Признаю в нем тот энергетик, который мне давал Гардиус ещё перед парадом и решаю выпить именно его. Насколько я помню, он тогда мне помог немного расслабиться. Залпом осушаю сразу два бокала и возвращаюсь на свое место под неодобрительным и посылающим во все стороны искры взглядом девушки из Второго.

— Джекс, что же нас будут спрашивать? — растерянно спрашивает сестра, теребя тонкий браслет на руке.

— Кто знает? — я уже практически успокоился, поэтому откидываюсь на спинку дивана, закинув на неё руку.

— Неужели ты не переживаешь? Это интервью очень важно для нас! — восклицает Джесс.

Я, не произнося ни слова, снова поднимаюсь, иду к столику, беру энергетик, но на этот раз отдаю его сестре, в надежде, что это ей поможет.

— Что это?

Я слегка удивляюсь.

— Ты это раньше не пила? — в ответ девушка отрицательно качает головой. — Это называется энергетик. Вообще он для того, чтобы прогнать сон, но мне помогает расслабиться.

Джессика немного скептически смотрит то на бокал, то на меня, а я продолжаю:

— Выпей. Ты мне не доверяешь?

— А вдруг ты решил меня прикончить еще до арены? — нервно хихикает Джесс, но напиток принимает и не спеша его выпивает.

Спустя пару минут я вижу, что она немного расслабляется, благодаря чему мне и самому становится более спокойно.

— Дистрикт Семь! — объявляет вошедший через дальнюю дверь работник студии. — Подойдите ко мне!

Мы с Джессикой послушно поднимаемся и направляемся к нему. Он проводит нас в

следующее крошечное помещение и даёт наставления, куда идти, куда смотреть и так далее.

Из аудитории раздаются громкие аплодисменты и перед нами открывается дверь. Джесси берет меня под руку, и мы не спеша выходим.

Перво-наперво я понимаю, что ослеп. Мне в глаза светит множество софитов. Я несколько раз быстро моргаю глазами, что помогает мне адаптироваться к яркому свету. То же делает и сестра. Мы оба выпрямляем спины, расправляем плечи, как и учила нас Мэдди, и неторопливо идем по дорожке, которая слегка подсвечена. Джессика старается искренне улыбаться и машет рукой во все стороны, время от времени посылая воздушные поцелуи в толпу. Я же только улыбаюсь уголком рта и подмигиваю один раз в камеру, которая движется перед нами, и дважды дамам, выглядящим более нарядно и богато, чем остальные, в надежде, что среди них будут спонсоры.

Мы делаем один круг вокруг зала, где сидят зрители и выходим на сцену, где нас уже ожидает, сверкая лысиной и белыми зубами, Стефан.

— Давайте ещё громче поприветствуем эту прекрасную пару молодых людей из дистрикта Семь! — аудитория наполняется оглушительными звуками и мне кажется, что ещё одна минута, и я оглохну. — Джексон Грин и Джессика Грин!

Толпа ликует, а Стефан предлагает нам присесть на диванчик, расположенный прямо посередине сцены, сам же присаживается на кресло, стоящее рядом. Я сажусь ближе к краю, слегка отгораживая сестру от зрителей и понимая, что благодаря этому она сможет чувствовать себя хоть чуточку более комфортно.

Стефан делает лёгкое движение руками, призывающее толпу затихнуть.

— Что же, рады приветствовать вас на нашем ежегодном шоу, — всё с той же улыбкой произносит ведущий.

Джесс берет инициативу в свои руки и отвечает ему:

— О, я рада, наконец-то встретиться с Вами, Стефан! — она слегка касается его руки пальцами. — Я Ваша поклонница практически с самого рождения!

Улыбка Стефана становится ещё шире, и он поворачивается к залу:

— Ну разве они не очаровательны?

Толпа снова восхищенно реагирует. Я же тоже начинаю улыбаться — моя сестра готова к этому интервью.

Ведущий опять поднимает и опускает руки, при этом делая серьёзное лицо. Капитолийцы перестают кричать и аплодировать.

— Вы помните, я говорил, что у нас есть сюрприз, связанный с этими двоими? — Я сам

совсем об этом забыл, хотя Фир обещал рассказать, что же это значит.

Я смотрю в зал и вижу, как все начинают перешёптываться, недоуменно поглядывая на сцену. Пытаюсь найти знакомые лица — даже Мэдди сейчас был бы рад — но не нахожу.

— Наверняка, все заметили, что у них одинаковая фамилия. — продолжает Стефан. — «Ну и что в этом такого», спросите вы. «Ведь, наверняка, у многих в Седьмом такая фамилия».

Капитолийцы замирают, ожидая обещанного сюрприза, но мужчина тянет время. Я начинаю догадываться, о чем он сейчас скажет. Но я и не подозревал, что никто не знает правды.

Для большего эффекта начинает звучать странная музыка, и Стефан, наконец, произносит:

— Джексон и Джессика брат и сестра! — в мгновение глаза всех присутствующих в удивлении округляются. — И они близнецы!

Реакция зала не заставляет себя ждать. Абсолютно все начинают охать, кто-то даже падает в обморок (ну что за неженки?), затем снова начинают хлопать и что-то кричать, но я никак не могу разобраться, что именно.

Лицо ведущего озаряет улыбка и он говорит:

— Согласитесь, это невероятно! Такого не было еще никогда за всю историю игр! — аудитория рукоплещет, а тон Стефана меняется, когда он уже обращается к нам. — Как же так получилось, что жители вашего дистрикта выбрали на игры именно вас двоих?

Я опережаю Джессику, которая уже хотела ответить:

— Ну вы только посмотрите на нас! — я окидываю улыбкой зал и поворачиваюсь к нашему собеседнику. — Разве они могли найти кого-то более красивого и достойного победы, чем мы?

Сестра хихикает, прикрывая рот рукой, ей вторит Стефан, а затем и вся студия.

— Согласен! — отвечает ведущий, наконец-то отсмеявшись, а затем переводит взгляд на аудиторию. — Кто со мной?

Зал в очередной раз наполняется аплодисментами и криками. Я начинаю этим даже наслаждаться.

— Вы производите просто неизгладимое впечатление! — снова обращается к нам Стефан. — Ох, а как вы показали себя на параде! Вы как будто рождены для того, чтобы быть на всеобщем обозрении!

— О, Стефан! — подаёт голос Джесс. — Никто не может сравниться с тобой! Когда я выиграю, может возьмёшь меня в со-ведущие?

Рот ведущего наиграно открывается в удивлении — он действительно умеет играть на публику.

— Ты мне только окажешь честь, милая! — Капитолийцы, сидящие в зале начинают просто сходить с ума и ни на секунду не затихают. — Но кто из вас готов победить?

Мы с сестрой в один голос произносим «Я, конечно», заставляя толпу ликовать ещё сильнее. Раньше мы часто говорили одновременно какие-то слова или фразы, и это воспоминание заставляет меня искренне улыбнуться и сжать руку Джесси. Заметив последнее моё движение, Стефан тихим голосом задает нам последний вопрос:

— А если получится так, что на арене последними трибунами останетесь только вы двое? Что будет тогда?

У меня внутри все переворачивается, когда я слышу это. Аудитория в одно мгновение накрывает оглушающая тишина. Джессика отвечает первая:

— О, Стефан, я готова на всё, только бы в будущем насладиться снова твоей компанией!

Тот в ответ улыбается в ближайшую камеру и отвечает сестре:

— Это было бы просто великолепно! Джексон?

Я беру себя в руки и произношу:

— Я, конечно, очень люблю свою сестру, но кто знает, как события развернутся дальше? — на этих словах я провожу большим пальцем поперёк шеи, поднимаю одну бровь и слегка мотаю головой в сторону Джесси, как бы говоря «ради победы я перережу глотку даже собственной сестре». — Победит сильнейший, так ведь, Джей-Джей?

Зал уже просто беснуется, а время нашего интервью подходит к концу. Стефан ещё раз называет наши имена и дистрикт, пожимает руку мне и целует Джессике, а затем нас выпроваживают со сцены.

Примечание к части

Как автор представляет себе менторов:

Фир - <https://ibb.co/dfFOOK>

<https://ibb.co/kNNEVz>

<https://ibb.co/gH5exe>

Яго - <https://ibb.co/fPqCHe>

<https://ibb.co/dr3XHe>

<https://ibb.co/c6JMAz>

Глава 15. Завтра уже игры.

— Как всё прошло? — едва выйдя из лифта, визжит Мэдди.

Я чувствую, как от её голоса у меня начинает болеть голова, поэтому извиняюсь и направляюсь в свою ванную комнату. Там ополаскиваю лицо прохладной водой, переодеваюсь в припасённый мне спортивный костюм и очень медленно возвращаюсь обратно.

Яго выбегает из своей комнаты, одним движением перепрыгивает через спинку дивана и приземляется рядом с Джессикой. Она уже тоже привела себя в свой привычный вид, но младший ментор продолжает смотреть на неё тем же взглядом, что и перед интервью. Я сижу немного в стороне от них и вижу, как они перешёптываются и хихикают. Внезапно до меня доходит, что Яго — именно тот человек, который нужен Джесси. Что он её достоин. Когда моя сестра вернётся победителем и построит своё будущее, то наш наставник станет для неё идеальной парой. Достаточно симпатичный (насколько я могу судить), к тому же ещё способный её защитить от всех нападков и умеющий рассмешить.

Пока вся наша команда собирается вместе, я продолжаю наблюдать за Джесс и Яго. Когда, наконец, объявляют начало повтора передачи, все устремляют глаза на экран. Сначала, как обычно из года в год, кратко рассказывают, какова цель интервью и представляют вкратце всех трибутов. Затем показывают уже и сами интервью. Мне, собственно, не интересны рассказы других участников игр, и я витаю где-то у себя в мыслях.

Наконец, начинают объявлять наш выход, и я присоединяюсь к просмотру. Мы все наблюдаем за тем, что происходит на экране. Мэдди, Гардиус, а также обе команды подготовки реагируют так же эмоционально, как и capitoлийцы в студии; Тигрис равнодушно и даже немного лениво смотрит, как будто сквозь экран; мы с сестрой, Фиром и Яго заливаемся смехом. Когда показывают мой ответ на вопрос Стефана, что будет если на арене останемся только мы с Джессикой, мне в голову прилетает подушка. Я поднимаю её с пола и запускаю обратно в сестру, но её ловит Яго и снова кидает в меня. Получив на этот раз прямо в лицо, я поднимаю вверх руки, как бы сдаваясь. Джесс и Яго победно дают друг другу «пять».

Шоу заканчивается и все находятся в прекрасном расположении духа. В этот момент Фир поднимается со своего места, становится напротив всех собравшихся, прочищает горло и говорит:

— У меня для вас, ребята, есть небольшое объявление. — все мгновенно затихают. — В этом году распорядители с согласия президента решили ввести одно обновление, касающееся игр.

У меня холодеют руки, ведь я понимаю, что, скорее всего, это ни к чему хорошему не приведёт.

— Всем трибутам на арену разрешено взять по так называемому токену. Это любой

предмет, являющийся для вас талисманом. Желательно, чтобы он каким-либо образом был связан с вашим дистриктом. — У меня камень с души падает, когда я слышу, что никаких глобальных изменений нет. — Единственное условие — токен нельзя использовать в качестве оружия. Поэтому все предметы должны быть предоставлены сегодня вечером на проверку. Вам есть, что взять с собой на арену?

Я задумываюсь. У меня никогда не было никаких талисманов, либо оберегов. Для меня это полная чушь. Но взять с собой что-то хочется, чтобы чувствовать частичку дома. Но, так как из родного дома у меня нет совсем ничего, я прошу Фира передать на проверку часы, подаренные мне Гардиусом. Он моих слов стилист начинает рыдать, благодаря за оказанную ему честь. Джессика отвечает, что брать ей нечего.

Завтра уже игры. Не скажу, что готов к ним, но ждать я уже устал. Конечно, я не успел насладиться своей жизнью. У меня никогда не будет собственного дома. Любимой девушки. Детей. Я прожил ещё так мало... Но я благодарен тому, что у меня было - семья, сестра и любящие родители.

Я снова стою на крыше тренировочного центра, облокотившись на перила. Вид отсюда мне нравится больше, чем со своего этажа — с высоты тринадцатого всё кажется меньше и незначительней. И отсюда даже немного видно первые дистрикты и окружающие их леса. Там всё такое спокойное и уютное. Но внизу, подо мной, совершенно другой мир. Шумный, суетливый. Он определённо не подходит для жизни обычным людям из дистриктов. Таким, как я.

Кресло, которое я подвигал к краю этим утром уже стоит на месте, поэтому я решаю сесть на другое, которое расположено под деревцем с белыми цветами. Помнится, в нашу первую ночь они были голубыми. Или я уже начал забывать. Устроившись поудобнее среди мягких подушек, достаю из кармана блокнот. В нём я делал все заметки по поводу других трибутов. На каждой странице — новый соперник. Некоторые в уголке отмечены жирными крестиками. Это те, кто представляет для нас с Джесси большую угрозу. Имена некоторых других обведены красным. Их для меня выделил Фир, чтобы я также и на них обратил внимание.

На первом листе расположились ребята из Первого дистрикта, что, собственно, логично. Имена обоих помечены и мной, и Фиром — достаточно хорошо подготовлены к играм, возможно, были натренированы еще дома, хотя это и запрещено. Парис — широкоплечий, мускулистый парень с внешностью, на которую особо падки девушки. Быстро бегают, на короткой ноге с мечом, впрочем, как и практически все, кто ранее участвовал в играх от их дистрикта. Его приятельница Глория также невероятно красива. Понять, в чем же её преимущество, мне так и не удалось, но после индивидуального показа она получила очень высокую оценку. Поэтому с ней мне стоит быть настороже.

Далее Второй дистрикт. И парень, которого охмуряет моя сестра. Его зовут Деймос, и он прекрасно владеет арбалетом. Сам он немного неуклюжий, но невероятно сильный,

что делает его опасным противником и полезным союзником. Девушка-трибут, Зенобия, искусно орудует мачете. Больше всего меня в ней пугает то, как она смотрит — чёрные глаза практически убивают на месте.

Парочка из Третьего всегда держится вместе. Их на тренировках называли близнецами даже чаще, чем нас с сестрой. Они всё делают синхронно. И метание копья — их фишка.

Самый загадочный для меня экземпляр — Мелисса. Её в списке мне пометил Фир. С виду обычная пятнадцатилетняя девчонка, но в ней таится нечеловеческая сила. Я был поражен тем, с какой лёгкостью она швыряла тяжёлые гири, когда злилась. Конечно, я не считаю, что она представляет для меня большую опасность, но доверяюсь старшему наставнику и запоминаю, что и за ней мне придется присматривать.

Конкуренцию по мастерству владения мечом Парису может составить только Биас — трибут из Шестого. Не такой крупный, как первый, но в их поединке, я думаю, он сможет одержать победу.

Ну и последний из списка отмеченных — громила из Десятого. И здесь выбор жителей дистрикта мне крайне непонятен. Огромный, сильный, умеющий владеть абсолютно любым видом оружия парень и крошка, не способная взять в руки даже нож. Возможно будет лучше, если её убьют сразу и без мучений. Не хочу, чтобы она боялась и страдала...

Я снова пересматриваю всех записанных трибутов. Девять человек, которых стоит больше опасаться. Один из них может оказаться нашим союзником. Остальные тринадцать не представляют угрозы — так мы решили вместе с Фиром — но с ними всё равно нужно быть настороже. Можно брать в союзники, но желательно сразу избавляться от лишнего «груза».

Неожиданно для меня двери лифта открываются, и я вижу хихикающую Джессику и выходящего за ней Яго. Они подходят к краю крыши и о чем-то болтают, время от времени посмеиваясь. Со своей стороны я вижу только младшего ментора, сестра стоит ко мне спиной. Я стараюсь не подслушивать их разговор, но продолжаю наблюдать. Вижу, как практически незаметно Яго касается руки Джесс, как легким движением заправляет за ухо выбившуюся прядь волос. Через пару минут его взгляд меняется, он приближается к моей сестре, которая также подаётся ему навстречу. Когда их губы практически соприкасаются, я понимаю, что не хочу становиться свидетелем тому, что сейчас может произойти.

— Кхе-кхе... — я прочищаю горло, давая знать, что они здесь не одни.

Парочка в одно мгновение отдаляется и поворачивается ко мне.

— Упс, неловко вышло, — в глазах Яго пляшут смешинки, но он старается сделать виноватое выражение лица. Видимо помнит, какая у меня была реакция, когда я думал, что тот положил на Джессику глаз.

Лицо Джесс вспыхивает. Она открывает рот, но, видимо, не находит, что сказать.

— Извините, что прервал. Я как раз собирался уходить. — я подмигиваю Яго и вызываю лифт.

Двери открываются сразу же, так как после этой сладкой парочки никто лифтом не пользовался. Пока я не уезжаю, стоит неловкая тишина, которую не разбивает даже наш насмешливый наставник.

По пути к седьмому этажу я думаю, что, возможно, это даже к лучшему. Возможно у Джессики, помимо собственной жизни и родителей, появится ещё один стимул к возвращению. Я читал, что любовь способна на многое. Она способна помочь победить Джесс. И помочь мне победить для неё.

— Ну ты как? — заходя ко мне в комнату спрашивает Фир.

— Думаю, я готов.

— Джессика с Яго беседует?

Я прыскаю от смеха и отвечаю:

— Ага... Беседует...

Наставник вопросительно смотрит на меня, но не расспрашивает, за что я ему премного благодарен. Обсуждать личную жизнь сестры для меня очень странно.

— Знаешь, Фир, — я сам и не заметил, когда со старшим ментором перешёл на «ты».
— Я действительно готов. Раньше было страшно только от одной мысли, что придётся кого-то убивать. Но после того, что случилось на индивидуальном показе, я все переосмыслил.

— Я рад. — Фир недолго молчит, и я понимаю, что он обдумывает, как правильно задать следующий вопрос. — А что насчет Джессики?

— А что с ней? — я непонимающе смотрю на собеседника.

Ментор ещё минуту размышляет, и я практически слышу, как крутятся шестерёнки в его голове.

— За чью жизнь ты будешь биться?

Я отвечаю не сразу. Странно то, что еще пару дней назад я всем с пеной у рта доказывал, что расшибусь в лепешку, но помогу сестре выиграть. Но сейчас представляю все по-другому. Она на самом деле сильная. И умная. Это она доказала на тренировках и

на интервью. Пусть ей и не удалось овладеть каким-либо оружием, но она научилась другим вещам, важным для выживания. Да, она не очень быстрая, но умеет прятаться — это у неё ещё с самого детства. Она сможет выжить. Но моя поддержка нужна ей. Хотя бы она должна просто знать, что я рядом и всегда готов помочь ей, когда она не будет справляться.

— В первую очередь, за свою. — Я вижу, как довольно кивает ментор. — Но я просто обязан помочь ей. Не делать за неё всю работу, конечно, нет. Просто быть рядом.

— Правильно. Как союзники.

Я улыбаюсь:

— Как союзники.

— Джексон, я говорил тебе раньше, но повторяюсь и сейчас. Именно *ты* можешь победить. Самый высокий балл за индивидуальный показ, прекрасное интервью, что предполагает большое количество спонсоров. И у тебя практически самый высокий шанс на победу, согласно всем данным.

— Да, но не самый высокий. — я припоминаю таблицу, в которой учитываются все данные, от возраста трибута до того, как они ведут себя на публике, не говоря уже о баллах, выставляемых распорядителями. Её транслируют каждый год за день до начала игр, чтобы спонсоры могли вложить деньги и сделать ставки, и видят её все, кроме самих участников. Меня начинает мутить, когда я представляю, что моё имя может быть где-то ниже первой строчки.

— Это не повод расстраиваться. Можно даже сказать, что твоё имя вместе еще с парой других стоит на первом месте.

Я облегчённо выдыхаю. Некоторое время мы просто молчим.

— Знаешь, я был знаком с твоими сестрой и братом, Джейком. — Наставник решает первым разбить тишину. Я догадываюсь, что он давно хотел мне это сказать, но не решался. От этого имени моё сердце нервно подскакивает. — Славный малый...

— Да. — коротко отвечаю я. Мысли о нём часто меня посещали последние несколько дней.

— Ты же понимаешь...

— Конечно, — я не даю Фиру договорить. — Я знаю, что ты сделал всё, что было в твоих силах. Подготовить к такому за пару дней просто невозможно. Мы завтра ещё встретимся?

— Конечно, — ментор облегченно выдыхает, словно уже пожалел, что упомянул имя моего брата. — Я буду сопровождать тебя по пути на арену.

Между нами снова возникает молчание, которое не длится долго — Фир говорит, что ему нужно закончить ещё несколько дел и оставляет меня в одиночестве.

Мне же становится несколько неуютно в своей комнате, и я выхожу в холл. Хочется насладиться хоть чей-то компанией, почувствовать человеческого тепла. Но рядом только как будто неживые безгласые. Они уже накрыли стол для ужина, но за ним никого нет — у всех свои дела. В одиночестве я усаживаюсь во главе стола.

— Джесс? А где Яго? — спрашиваю я, хлюпая горячим чаем.

— Мы... Я... Он... — испуганно и смущённо путается в своих словах сестра, крадущаяся мимо меня в свою комнату.

— Ты ужинала? — перевожу тему, чтобы Джессике было комфортно.

— Нет, я... — она всё ещё не знает, как со мной разговаривать, после того, как я застукал её с Яго на крыше.

— Да расслабься, Джей-Джей! Я не собираюсь обсуждать то, что увидел!

— Спасибо. — тихо произносит сестра, и приступает к еде.

Мы молча сидим за столом, а когда она заканчивает есть, перемещаемся в её комнату. Сначала она ведёт себя излишне скованно, но я даю ей понять, что всё в порядке, когда ложусь на постель рядом и крепко обнимаю.

— Помнишь, как папа сделал нам такие качели, которые двигались вверх-вниз?

Джессика легко смеётся, вспоминая счастливые моменты из нашей жизни:

— Конечно! Ни у кого таких не было, и все дети издалека смотрели на нас и завидовали.

— А ты была такая толстая, что нам с Джейком приходилось кататься вдвоём, чтобы поднять тебя!

— Да что ты врешь? — она несильно бьёт меня кулаком в грудь. — Ты просто держал его, чтобы он не упал, он же был маленький!

— А вот и нет! Ты была толстой, — я продолжаю улыбаться. — Да и сейчас толстая.

Джессика вырывается из моих объятий, поднимается на локтях и начинает щипать меня за бок. Я ахаю, хватаю её изо всех сил и прижимаю свои губы к её лбу. Она в мгновение успокаивается.

— Джесс, если мы разойдёмся, встретимся в той стороне, куда будет направлен острый конец Рога Изобилия. — Ожидая того, что сестра сейчас скажет, я её опережаю. — Да, я всё помню. Ты будешь сражаться сама. Но разве я не могу просто помогать тебе?

Джессика грустно смеётся, кладёт мне голову на грудь, мы некоторое время молчим, а затем одновременно засыпаем.

Примечание к части

Яго, Джессика, Фир и Джексон во время просмотра интервью - <https://ibb.co/gRgnJ9>

Глава 16. "Джесс, беги!"

За время пребывания в Капитолии я понял одну важную вещь — голос Мэдди лучше любого будильника. Она врывается в комнату Джессики и верещит, что нам уже пора собираться. Я еле открываю глаза и иду в свою ванную комнату, чтобы принять холодный душ и, наконец-то, проснуться.

Все уже сидят за столом, когда я присоединяюсь к ним. Есть не хочется совсем, но осознание того, что на арене мне скорее всего поесть совсем не удастся, заставляет меня умять большой кусок сильно прожаренного мяса, салат и большую кружку кофе с молоком. Джесси о меня не отстаёт — видимо, думает так же, как и я. А вот вся наша команда от завтрака отказывается, довольствуясь только кофе. Из всех в прекрасном расположении духа находится только Мэдди. Не знаю, что у нее на уме, но, кажется, ей как-то всё равно, выиграет кто-то из нас или нет. Для таких капитолийцев, как она, мы всего лишь расходный материал. Куклы в их играх. Не зря я её недолюбливал.

Наступает время для прощания. Первым подходит рыдающий Гардиус и вешается ко мне на шею. Видимо, будет скучать по моей лести. Далее Мэдди Глиттер — быстро желает нам победы и убегает по своим делам. Тигрис и обе команды подготовки только копируют нашего куратора и незаметно исчезают.

— Любой совет напоследок? — я ухмыляюсь подошедшему ко мне Яго, пока Фир прощается с Джессикой.

— Доверяй интуиции. Убивай всех, как только появится возможность. Не забывай о еде и воде. Будь максимально внимателен. Тогда, возможно, нам ещё удастся встретиться, — подмигивает Яго.

Я притягиваю его к себе и долго обнимаю. Возможно, в другой жизни мы могли бы стать друзьями. Ну или братьями, если бы у них с моей сестрой всё получилось.

— Если что, я не против ваших с Джесс отношений, — шепчу я ему, а затем отстраняюсь. Младший наставник открыто улыбается.

Я подхожу к Джессике, и она сама бросается мне на шею. Я крепко прижимаю её к себе и зарываюсь носом в распущенные волосы. Чувствую едва ощутимый запах шампуня, слегка отдающий ромашкой. Такой родной запах. Запах дома.

— Помнишь, где мы должны встретиться? — она кивает головой. — Отлично. Ты справишься.

Двери лифта открываются и нас вместе с менторами приглашают на крышу, чтобы загружаться в планолёты.

— Я люблю тебя, Джей-Джей. До встречи. — бросаю я ей напоследок.

— Ну как костюм? Нигде не жмёт, не натирает? — Интересуется Фир, когда я примеряю одежду, которую вынужден надеть на арену.

— Нет, всё нормально, — отвечаю я.

Нижнее бельё, носки, майка. Спортивный костюм и кроссовки. Всё точно такое же, как нам выдавали для тренировок в центре, только без обозначения дистрикта.

Мы же уже подлетаем к месту назначения, поэтому приходит время прощания.

— Джексон, к сожалению, твой токен отклонили. Распорядители посчитали, что часы можно использовать в качестве оружия. Хотя я даже не...

— Я и не рассчитывал, если честно, — перебиваю я ментора. — Можно тебя попросить об одной вещи?

— Конечно, что угодно.

— По возвращению в Седьмой можешь отдать эти часы моим родителям? — наставник кивает. — Пусть делают с ними что хотят — могут продать, могут хранить, как память.

Мы некоторое время молчим. Затем я вспоминаю ещё кое-что.

— Да, и ещё... Можешь передать им, что всё, что было на интервью вчера... Всё это только ради шоу. Я ничего такого не имел ввиду...

На глаза начинают наворачиваться слёзы. Фир видит это и обнимает меня так крепко, так по-отечески.

— Если Джесс вернётся, скажи им, что я сделал всё, что было в моих силах. А если нет, передай им мои извинения за то, что подвёл их, не сдержал данное мной обещание...

Наставник негромко отвечает:

— Я рассчитываю, что ты всё это им скажешь сам, когда вернёшься.

Я проглатываю подступающие слёзы и шепчу слова благодарности.

— Ты помнишь всё, что мы с тобой обсудили?

Мои руки продолжают трястись ещё с момента упоминания родителей, но я стараюсь успокоиться.

— Надеюсь, что да...

— Я этого тебе не должен говорить, — шепчет ментор, — но об этом всё равно никто

не узнает, ведь так? Арена в этом году будет небольшой, потому что предполагается, что все трибуны будут несколько ближе друг к другу...

Его прерывает пара миротворцев. Они надевают мне на руки и на лодыжки специальные браслеты, необходимые для отслеживания моего месторасположения и состояния здоровья. Эти датчики оказываются ужасно неудобными, но снять их нельзя. Их ремешки и крепления даже созданы из такого материала, который не порежешь и самым острым ножом. Я поворачиваю их таким образом, чтобы они не натирали, и мы с Фиром подходим к капсуле, расположенной в дальней части планолёта. Через минуту я уже должен буду находиться внутри. Через две — буду стоять на арене. Через три — начну «играть».

Фир напоследок меня обнимает, и мне снова кажется, что это делает мой отец.

— Ты уж там постарайся, Джексон... Удачи.

На этих его словах я захожу в тёмную капсулу.

Пока капсула опускается вниз, про себя я считаю до шестидесяти. На числе пятьдесят шесть я чувствую толчок — вероятно, я уже опустился на землю, или на то, что там распорядители нам приготовили. Ещё четыре секунды, и стенки капсулы опускаются под землю. Сначала меня ослепляет солнечный свет, и я вижу только небольшой пьедестал, на котором стою. Глаза быстро привыкают к свету, я первым делом оглядываюсь, ведь арена — это один из «сюрпризов», который ежегодно преподносят распорядители трибунам и зрителям игр. Рог Изобилия расположен прямо посередине небольшой площади, которую со всех сторон окружают полуразрушенные одноэтажные дома. Такие же нарисованы в учебниках по истории. Возможно нас привезли в уничтоженный много сотен лет назад город. Кроме площади и зданий я не вижу ничего — всё остальное скрыто от моего взгляда стенами.

В следующую секунду я ищу сестру среди трибутов, стоящих по кругу вокруг Рога. Каждый из них вертит головой, оглядывая ближайших противников. Джессика находится справа от меня через несколько человек, между девушкой из Одиннадцатого и Биасом, парнем из Шестого. Я поднимаю руку и еле заметно машу, привлекая внимание сестры. Когда ловлю на себе её взгляд, незаметно пальцем показываю в сторону, куда направлен острый угол Рога Изобилия. В ответ она кивает.

Когда начинается минутный отсчет до начала бойни, я начинаю разглядывать всё то, что лежит на земле рядом — что мне пригодится, а что будет только лишним грузом и что брать не стоит. В начале мой взгляд зацепляет небольшой двусторонний топорик, как тот, которым я пользовался на индивидуальном показе, но он достаточно близко к самому Рогу. А это означает, что у меня практически нулевые шансы и претендовать на него я не могу. Зато рюкзак, пакет с булочками, ножны (надеюсь, с ножами внутри) — всё это должно мне пригодиться.

Голос, отсчитывающий последние секунды доходит до двадцати трех, и я краем глаза ловлю мельчайшее движение в стороне, где стоит моя сестра. Всё происходит, словно в медленности. Руки девушки-трибута из Одиннадцатого трясутся, а из них выпадает маленький деревянный шарик. Возможно, это токен, который ей разрешили взять с собой. Шарик падает на землю, что провоцирует взрыв — для того, чтобы трибуты не начинали игру раньше времени, на время отсчета активируется минное поле, окружающее все пьедесталы. Буквально одна секунда. И её уже нет. Всё, что свидетельствует о том, что она была здесь — рваные куски и части её тела и много крови. Я смотрю на сестру. Она переводит обезумевший взгляд от пустого места на свою форму, на которую попала кровь и куски плоти её соперницы.

Все трибуты от произошедшего в шоке, поэтому, когда отсчет заканчивается, практически все медлят. Это дает мне небольшую фору. Я бегу по маршруту, который ранее проложил в своей голове. Веревка, какая-то пленка, большой коробок длинных спичек — всё это мгновенно отправляется мне в карманы. Пакет с булочками, ножны. Последним я хватаю рюкзак, но он оказывается тяжелее, чем я думал, поэтому слегка замедляюсь. Поглядывая на сестру, которая ещё не отошла от произошедшего, я упускаю из внимания других трибутов. Поэтому не замечаю, как ко мне несется парень из Двенадцатого. Он сбивает меня с ног, но сделать ничего не успевает, потому что я ударяю его в лицо локтем. Когда поворачиваюсь к Джессике, то вижу, что к ней с *моим* топориком несется трибут из Третьего. Я чувствую, как внутри меня всё обрывается. Все слова, что я говорил — о том, что буду сражаться в первую очередь за себя — это полная чушь. Я не могу потерять свою сестру.

Из горла вырывается звериный рык. Ноги сами несут меня в нужную сторону с невероятной скоростью. Топор уже заносится над телом упавшей Джесс, когда я налетаю на противника, повергая его на землю.

— Джесс, беги! — срывая голос, кричу я сестре, пытаюсь бороться с парнем. Та торопливо встает на ноги, но сначала падает, а затем направляется в ближайший переулок. За ней бежит, с арбалетом наперевес, Деймос. У меня снова уходит сердце в пятки, но в этот раз я помочь не могу. Трибут прижимает меня к земле своим телом и давит на горло древком топора. Мне уже не хватает воздуха, когда я вытаскиваю нож и со всех оставшихся сил втыкаю парню в бок. Он охает и корчится от боли, но не отпускает, а только сильнее давит на шею. Я ощущаю, как тяжелеют руки, поэтому повторяю движение ножом. Два раза, три, четыре. Хватка юноши слабеет, я скидываю его с себя, быстро дыша. Выхватываю из его рук топор и убиваю его таким же движением, которое я использовал на третьем манекене на индивидуальном показе — по диагонали между шеей и плечом. Какая ирония — Третий дистрикт и третий манекен. «Это тебе за мою сестрёнку» — мысленно произношу я.

На площади творится что-то непонятное. Несколько тел на земле, источающих кровь. Несколько борющихся пар. Многие уже разбежались, от греха подальше. Их примеру следую и я. Поворачиваюсь в ту сторону, куда побежала Джессика, но путь мне преграждает девушка из Третьего. В её глазах ярость, по которой я понимаю, что она готова разорвать меня на кусочки, ведь я только что прикончил её «близнеца». Девушка уже успела раздобыть свое коронное оружие, которое сразу же с истошным воплем запускает в меня. Копье пролетает в сантиметрах от моей головы, задевая только кофту

на плече. Увидев свою неудачу, она начинает бежать в мою сторону, но оказывается сбитой с ног девушкой из Восьмого. Я выдираю топорик из остывающего тела и забегаю за ближайший угол.

Бегу я недолго и недалеко, ведь сейчас для меня главной целью является поиск сестры. Забегаю в единственный попавшийся мне двухэтажный домик. Каменная лестница на верхний этаж практически полностью разрушена, но я всё равно пытаюсь по ней взобраться. Благо, что я высокий. Проходит около пяти минут, прежде чем мне удастся влезть наверх. Я располагаюсь недалеко от проема, в прошлом бывшего окна — мне необходимо наблюдать, что происходит на улице. Как только всё утихнет, возможно даже через пару часов, мне нужно будет выдвигаться на поиски.

Начинаю разбирать рюкзак, чтобы занять свое время и понять, чем мне всё же удалось обзавестись. Внезапно в темном углу этажа слышу шорох. Неужели сюда забрался кто-то раньше меня? Но это же невозможно! Я поднимаюсь на ноги с топором с правой руке и не двигаюсь с места, ожидая, что противник сам себя покажет. Через минуту томительного ожидания на свет выбегает огромная крыса.

— Чёрт! — выдыхаю я, одновременно разрубая животину напополам. На неё мгновенно налетает ещё пара таких же мутантов. — Чёрт, чёрт, чёрт!

Прибывших я просто пинками отправляю на первый этаж. Такое соседство меня совсем не устраивает, поэтому достаю из кармана спички, зажигаю одну и тщательно осматриваю все углы на наличие гадов и дыр, в которых они могут прятаться. В единственную найденную дыру заталкиваю подходящий по размеру камень, благо, коих много вокруг. Затем возвращаюсь к прерванному делу.

Из рюкзака первым делом достаю сложенный спальный мешок. Не знаю, пригодится ли он мне. Спать на арене не просто страшно, а крайне опасно. На предыдущих играх, после битвы у Рога Изобилия, большее количество трибутов было убито именно во сне. Следующий предмет — фонарик. Я быстро включаю и выключаю его, проверяя на работоспособность. Свет он него тусклый, но это даже хорошо, так он будет привлекать меньше внимания. Мысленно я жалею о том, что зря потратил одну спичку. Далее идёт ещё один моток веревки. Теперь у меня их два. Возможно пригодится, поэтому второй я не выбрасываю, а кладу рядом с первым, который уже вытащил из кармана. Под веревкой нахожу баночку с антисептиком и белоснежный бинт. Решаю переложить это во внутренний карман на застёжке, чтобы не потерять. Далее — пакетик с сухофруктами, а на дне заполненная большая фляга, сверху на которую приделан специальный фильтр, позволяющий очищать непригодную для питья воду.

Разложив все добытые припасы прямо перед собой, я размышляю, что же из этого лучше взять — ведь всё в рюкзак просто не поместится. Решить, оказывается, непросто. К баночке с антисептиком и бинту присоединяется коробок спичек; в передний карман рюкзака отправляется плёнка — не знаю, может и пригодится, не зря же её положили перед Рогом; флягу засовываю в боковой карман, так места внутри становится гораздо больше. На дно укладываю спальный мешок, стараясь скрутить его как можно компактней, поверх него умятые булочки — плевать, в каком они состоянии, главное, что их можно будет съесть, а также сухофрукты. Один из ножей, что был в ножнах, остался

в теле трибута из Третьего, но я об этом не жалею. Придумать, куда пристроить второй, оказывается сложнее, поэтому пока я оставляю его лежать рядом. Фонарик кладу в правый карман куртки. Вот и всё. Благодаря моим стараниям всё не только поместилось внутрь рюкзака, но даже и место осталось. Надеюсь, что мне удастся найти ещё что-то полезное.

Как раз к тому времени, когда я заканчиваю и пристраиваюсь к окну, начинает бить пушка. Каждый погибший трибут — один выстрел. Я шепотом считаю каждый удар. Пушка затихает, когда я останавливаюсь на цифре «семь». И это достаточно мало для битвы у Рога. Девочка из Одиннадцатого, парень из Третьего и малышка из Десятого, скорее всего. Остальных узнать смогу только вечером. Погибших объявляют всегда ровно в шесть вечера. Конечно, я знаю, что Джессика жива и в безопасности — можно это даже назвать связью близнецов — но удостовериться, в этом можно только после шести. Поэтому я спокойно решаю дождаться вечера.

Ждать оказывается крайне томительно. За первую пару часов я рассматриваю вид из окна. К сожалению, он оказывается достаточно ограниченным — два одноэтажных дома без крыш, горы камней практически на каждом квадратном метре, трещина в земле и несколько засохших деревьев. Хоть Фир и предупредил меня, что арена будет небольшая, а в живых осталось семнадцать человек, я пока никого не видел и не слышал. Решаю продумать путь, по которому пойду вечером. Спуститься по лестнице, выйти из дома, обойти его по левой стороне, пройти между каким-то сараем и крупным деревом, а дальше всё время прямо. Так я выйду к Рогу Изобилия. Оттуда, как и договаривались с Джессикой, в сторону его острого конца.

Ещё через час мне становится скучно. За стенкой, куда я приложил камень, раздаются шорохи и шипение. Не сдвигаясь с места, включаю фонарик и направляю его луч в темный угол. Булыжник, закрывающий дыру, начинает потихоньку двигаться. Из-за него появляется очередная крыса. «Сколько же сил в этом чудовище?» — мысленно удивляюсь я. Когда животное вылезает полностью, скрывая в дыре лишь свой длинный хвост, мне становится не по себе от его взгляда.

— Кыш! — мои руки изображают прогоняющий жест. — Иди отсюда.

Но крыса даже и не думает слушаться. Вместо того, чтобы убегать, она направляется в мою сторону с еле слышным шипением. Мне приходится встать на ноги и проделать с ней то же, что и с первой.

Так как такая компания меня совершенно не устраивает, я снова засовываю тот же камень в отверстие в стене. Но на этот раз укрепляю свою оборону, засыпав проход всем, что получается найти на втором этаже.

Последние три часа я совершенно не знаю, чем себя занять. Шорохи за стеной меня уже совсем не беспокоят, пейзаж из окна я уже выучил наизусть. Поэтому решаю замаскировать свою одежду и рюкзак. Все мои вещи — черного цвета, что очень плохо для меня, так как я могу сильно выделяться на фоне серо-коричневой окружающей обстановки. Сначала обваливаю в пыли, покрывающей пол, рюкзак, потом проделываю то же самое и с одеждой, предварительно сняв ее с себя.

Внезапно в небе раздаётся пушечный выстрел. Мне становится беспокойно, и я принимаю решение не дожидаться вечера, а приступить к поискам сестры прямо сейчас.

Глава 17. Всего восемь человек.

Надевать грязную одежду совершенно не хочется, но лучше так, чем стать яркой мишенью среди руин. Закидываю на плечи рюкзак, топорик засовываю в петлю, которую соорудил из части веревки, заранее несколько раз потренировавшись быстро его доставать, а нож беру в руку. Я так и не решил, как мне его поудобней пристроить. Окинув взглядом свое временное убежище, решаю привести всё в первоначальный вид и не оставлять своих следов — мало ли понадобится вернуться, а кто-то будет меня здесь поджидать. Поэтому я поднимаю и убираю в рюкзак уже ненужный чехол от ножа, разбираю завал камней у крысьей норы и разбрасываю булыжники по этажу. Оглядываюсь снова и, вздохнув, выглядываю на первый этаж. На нем пусто, сброшенные мной крысы куда-то убежали. Куда — меня совершенно не интересует.

Я спрыгиваю вниз, предварительно повиснув на руках, чтобы не отбить пятки. Прежде, чем выйти, подкрадываюсь к двери и рассматриваю все, что вижу. Лучше сто раз проверить, чем потом убежать, или же получить стрелу в спину. В доме напротив никого — к такому заключению я прихожу, гипнотизируя дверной проем последние минут пятнадцать. В целом, на улице абсолютная тишина, что даже немного нагнетает. Я быстро высовываю голову на улицу, оглядываюсь вокруг и возвращаюсь внутрь. Дыхание учащается, а пульс ускоряется. Ничего не произошло, а я уже так волнуюсь. Оно и понятно — за каждым углом может поджидать противник. Особенно опасно, если несколько трибутов решили действовать сообща. Пытаюсь вспомнить, увидел ли я что-то подозрительное в округе. Но не могу — зрительная память у меня развита крайне слабо. Да и само зрение оставляет желать лучшего. Приходится ещё раз выглянуть из помещения, чтобы детально разглядеть окрестности. Не найдя никаких признаков присутствия других трибутов, выдыхаю и выхожу на улицу.

Пока крадусь в нужную мне сторону, размышляю. Что за странная арена? Полуразрушенный город с кучей укрытий. Здесь даже не нужно особо придумывать, где можно прятаться. Возможно, распорядители решили, что будет гораздо эффективней без беготни? Намного же проще загнать кого-то в здание и там устроить резню. Это же зрелищней!

От моих размышлений и продвижений меня отвлекает звук падающих камней. Я распластываюсь на поверхности, желая слиться с землей, ведь рядом нет ни одного подходящего укрытия. Сначала шум затихает, а затем повторяется снова. Я слегка приподнимаю голову и прищуриваю глаза — с лучами заходящего солнца это единственный способ что-то разглядеть. Сначала я замечаю небольшое движение, а затем появляется и виновник шума. Очередная крыса. «Проклятье!» — мысленно произношу я, поднимаюсь на ноги и сплевываю попавшую в рот пыль. Чёртовы животные доведут меня до инфаркта раньше, чем я увижу хоть одного трибута!

Дорога до Рога Изобилия занимает гораздо больше времени. От него я убежал, а вот возвращаться приходится очень медленно. При этом останавливаясь буквально на каждом шагу, чтобы оглядеться и прислушаться. И это занятие мне не надоедает, ведь лучше лишний раз всё проверить, чем быть так нелепо убитым. К тому же, это помогает мне немного изучить местность. Оказывается, домов в округе не так много, как мне показалось изначально — где-то вместо домов стоят обычные стены. Зато попадаются

старые, практически разрушенные от дождя и времени древние машины.

Проходит около полутора часов, пока я, наконец, не достигаю угла, за которым располагается площадь с Рогом. На ней слышатся приглушенные голоса. Ну конечно, сейчас там пируют самые подготовленные участники. Они присутствуют на играх каждый год и практически всегда побеждают. Как правило, среди них — Первый, Второй и Четвёртый дистрикты. Обычно они собираются вместе, чтобы покончить с остальными соперниками. Я не ошибусь, если увижу как раз этих ребят.

Чтобы меня было менее заметно, я ложусь на живот. Возможно, мою голову издалека они примут за крысу и не обратят внимание. Если не решат прикончить. В живот больно упирается острый камень, а подвинуть его без шума у меня не получится. Приходится терпеть. Наконец, я нахожу в себе смелость выглянуть за угол. Всё практически как я и ожидал — парочка из Первого, Зенобия из Второго и Биас из Шестого. Они сидят вокруг какой-то кучи, скорее всего, собрали все оставшиеся припасы. Что-то весело обсуждают и смеются. Вот что за бесстрашные люди? Ведь в Роге было и метательное оружие. Как минимум арбалет Деймоса. А ножи? Да что угодно может прилететь им в спину. Я прихожу к выводу, что они действительно были подготовлены к играм заранее, возможно даже и тренировались несколько лет, прежде чем их выбрали. Мне становится слегка не по себе. Среди таких людей я чувствую себя даже в большей опасности.

На земле до сих пор лежат тела убитых. Их должны забрать планолёты только тогда, когда никого не будет рядом. Значит эта четверка площадь не покидала. Недалеко от себя я вижу повернутую в мою сторону голову парня из Третьего с приоткрытыми глазами. У меня холодеют руки и начинает кружиться голова. До сих пор я как-то не осознавал, что убил его. Но это не такое же чувство, как когда я убил безгласого на индивидуальном показе. В этот раз всё по-другому. Секунда моего промедления, и он бы зарубил мою сестру. Секунда могла стоить её жизни. Кроме того, он чуть не задушил меня. На мгновение мне очень хочется встать, подойти к нему и плюнуть прямо в это безжизненное лицо. И практически это делаю, но меня останавливает громкий смех Глории, девушки из Первого.

Продолжая наблюдать за «четвёркой», как я их обозвал, запоминаю ориентиры той стороны, в которой мы должны встретиться с Джессикой. Тем временем на улице темнеет. «Четвёрка» активизируется — девушки начинают разводить костер, парни расправляют палатку прямо внутри Рога. Повезло им обзавестись таким полезным предметом.

Я решаю вернуться в свое убежище, ведь в темноте бродить по неизвестным окрестностям, в которых рыскают двенадцать вооруженных и готовых убивать подростков, меня не прельщает.

Когда я забираюсь на второй этаж своего здания, на улице уже темно. Первым делом я удивляюсь тому, что до сих пор не объявили имена погибших трибутов. Затем решаю

снова замуровать крысиную нору, чтобы ночью меня не беспокоили. Когда с этим делом покончено, открываю рюкзак. На улице становится довольно холодно, и мои пальцы немного перестают меня слушаться. Развести огонь я не решаюсь даже на верхнем этаже, ведь и неяркий свет будет прекрасно видно с улицы. Да и для костра ничего у меня нет, кроме спичек. Поэтому, чтобы хоть как-то согреться, достаю со дна рюкзака спальный мешок. Пока я это делаю, на пол шлепаются пакеты с булочками. Он напоминает мне о том, что я дико проголодался. Но прежде, чем приниматься за еду, мне необходимо хоть немного отогреться. Расстилаю мешок рядом с окном, около него кладу топорик. Так, на всякий случай.

Внезапно оглушительную тишину разбивает гимн Капитолия. Он неожиданности я подпрыгиваю на месте и больно ударяюсь затылком о выступающую часть подоконника. Не помню, чтобы раньше хоть раз на арене включали гимн, кроме финала, когда последний трибут добывает соперника. Поэтому для удовлетворения собственного любопытства поднимаюсь и выглядываю в окно. Когда музыка заканчивается, на небе появляется символ Капитолия с надписью «Погибшие». Картинка сменяется фотографией с обозначением дистрикта и именем. Парень из Третьего — тот, с которым мне пришлось разобраться. Девушка из Шестого. Восьмой, Девятый и Одиннадцатый потеряли сразу всех. Всего восемь человек. И среди них нет моей сестры. И нет малышки из Десятого. Совершенно неясно, как ей удалось до сих пор остаться в живых.

Прожевав половину пакетика с сухофруктами, одну булочку и запивая всё это водой, натягиваю спальный мешок до носа, продолжая гипнотизировать дыру в полу, ведущую на первый этаж. Спать нельзя. Да и не получается — как только я начинаю дремать, из-за стены слышатся шорохи крыс.

Как только на улице начинает светать, я собираю вещи, в очередной раз приводя свое убежище в первоначальный вид. Аккуратно сложить все свое «добро», раскидать камни, расшвырять пыль, заматаив следы — таков мой список дел. Когда со всем этим покончено, свешиваю голову вниз, разглядывая темноту первого этажа и дверной проем. Осторожность никогда не помешает, поэтому таким образом я провожу около десяти минут. Ровно до того момента, пока к голове не приливает кровь, и она тяжелеет. Чтобы не потерять равновесие, медленно поднимаюсь на ноги, а затем свешиваюсь на руках вниз. К моему «счастью», внизу меня поджидает компания. Крысы. Сколько их, понять невозможно, практически все они сидят по темным углам. Но я буквально чувствую, как они пожирают меня глазами. Такие монстры могут и заживо съесть. Поэтому, чтобы меня случайно не укусили, быстро пинаю их в разные стороны и вылетаю на улицу.

Меня встречает солнечный свет, ослепляющий после темноты моего убежища. На мгновение я теряюсь и даже пугаюсь — стоять посреди открытого пространства, зная, что где-то рядом бродит много подростков, отчаянно желающих тебя убить. Приходится чуть ли не на ощупь пробираться к ближайшей стене. Через пару минут взгляд проясняется, но в глазах всё ещё пляшут темные пятна, которые несколько сбивают с толку, ведь их запросто можно перепутать с другими трибунтами. Или, чего хуже, наоборот, принять своих противников за эти пятна. Мысленно проклиная длиннохвостых

мутантов, отряхиваю от оранжевой пыли ладони и направляюсь в сторону Рога. Во-первых, мне нужно знать, на месте ли еще «четвёрка», либо же где-то бродит, разыскивая жертв. Во-вторых, оттуда гораздо проще будет найти путь к сестре.

Примерно на половине пути до Рога Изобилия за углом я слышу странный звук. В этот раз на крысу не похоже, да и слышится журчание, а не шорохи и перекатывание камней. Припоминая, как ловко размахивала своим мачете Зенобия, я несколько секунд медлю, набираясь смелости посмотреть, что (или кто!) находится в метре от меня. Очень не хочется получить удар в голову или же быть разрубленным холодным оружием.

Наконец, выглядываю за угол, крепко сжимая в руке нож. Через мгновение я возвращаюсь на место, испытывая жуткий стыд. Я чувствую, как начинают краснеть мои щеки и пытаюсь максимально глубоко вжаться в стену. Что-что, а увидеть справляющую нужду девочку из Десятого я ожидал меньше всего. Я даже прикрываю ладонями уши, чтобы не слышать этот звук.

Спустя минуту краем глаза замечаю увеличивающуюся тень и понимаю, что девчонка направляется в мою сторону. Отхожу немного дальше от угла и всё так же вжимаюсь в стену. Я сам еще не понял, что мне делать. Убивать её я не собираюсь. Бросать её одну тоже не хочется, мало ли кого она встретит следующим. Пока я размышляю, девочка выходит из-за угла и видит меня. Её глаза расширяются от ужаса, когда её взгляд падает на острое лезвие в моей руке, отбрасывающее в сторону блики от солнца.

Мгновение мы медлим — просто оба смотрим друг на друга, ожидая дальнейшего шага от противника. Наконец, девочка разворачивается ко мне спиной и начинает бежать, но спотыкается о камень и падает. Мне же отпустить её не хочется, я очень боюсь, что она наткнется на одного из «четвёрки» и что они могут с ней сделать. За секунду в моей голове проносится тысяча мыслей, пока я, наконец, не решаюсь хотя бы на время взять малышку под опеку. Поэтому подпрыгиваю к ней и хватаю так, чтобы она ничего не смогла сделать руками. Она же не кричит, а только с пыхтит, пытаюсь вырваться. Затем ударяет меня пяткой прямо в пах, отчего по всему телу проносится волна дикой боли. Я сгибаюсь, стараясь не выпустить из рук девочку, но моя хватка всё равно ослабевает, и она с легкостью освобождается. От боли у меня темнеет в глазах, но я всё же успеваю схватить девочку за лодыжку. Она снова падает и начинает тихонько плакать, постепенно переставая сопротивляться. Я прижимаю её спиной к себе, обхватив руками и ногами.

Когда я слышу за стеной, расположенной от нас к северу, чьи-то шаги, то осознаю, что мы просидели так уже несколько часов. Быстро встаю, не отпуская девочку, жестами прошу её быть тише и показываю в сторону, откуда доносится топот. В ответ она смотрит на меня безразличным взглядом. Понимая, что она уже считает, что умрет в любом случае, а также, что с легкостью может сдать меня, я легко закидываю её на плечо (спасибо многолетней практике таскания брёвен в лесу) и на цыпочках обхожу ближайшее здание. К счастью, оказывается это не дом, в котором нас легко могут зажать, а две стены, стоящие ровным углом.

Я сажусь на корточки в самый угол, прислонившись спиной к стене и сажая себе на колени девочку. Задерживаю дыхание и жду. Кто-то проходит совсем рядом, еле слышно напевая под нос себе неизвестную мне песню. У меня холодеют руки, и моя хватка слабеет. В эту же секунду девчонка вырывается от моих рук и отпрыгивает в сторону, при этом расшвыривая лежащие рядом камни. От подступившего страха мой разум очищается.левой рукой я быстро хватаю девочку за талию, правой достаю из-за спины топорик.

— Чёрт возьми, Парис! — до нас доносятся раздражённый голос девушки. — Я чуть не швырнула этот проклятый нож прямо тебе в голову!

В ответ ей звучит смех трибута из Первого дистрикта.

— Да ладно тебе, красотка! Должен же я как-то привлечь твоё внимание.

— Отвали, придурок. Лучше напомни, в какую сторону она побежала.

За стеной снова слышатся шаги, и я на цыпочках крадусь к другому краю, подальше от противников. Девочка в моих руках не сопротивляется, а идет вместе со мной, поэтому я просто крепко держу ее за предплечье.

— Да не знаю я. Может туда. — Я вижу, как в одном направлении летит небольшой камень. — А может туда.

— На кой-чёрт я тебя вообще взяла? — я практически сквозь стену вижу, как Глория закатывает глаза.

— Может потому что я тебе нравлюсь?

Слышится громкий шлепок и вскрик парня.

— Ещё раз ты до меня дотронешься, и это будет не моя ладонь, а кое-что гораздо хуже.

— Да брось ты! Давай по-быстрому... — голоса вместе с шагами начинают отдаляться, пока не затихают вовсе.

Глава 18. "Ты должен быть сильным."

— Как тебя зовут? — спрашиваю девочку из Десятого, которая сидит в самом углу моего убежища, обхватив руками острые колени.

Я решаю, что отправляться на поиски сестры сейчас не вариант, ведь пока на мне лежит ответственность за эту малышку. На данный момент я не придумал ничего лучше, чем привести её на ночь в свой «дом», а уже к утру решить, как с ней поступить.

— Я знаю, что ты умеешь разговаривать. — говорю ей, расстилая спальный мешок.
— Есть хочешь?

В ответ слышу только еле слышное дыхание и цокот когтистых крысиных лап на первом этаже.

— Я не собираюсь тебя травить, правда. Я хочу, чтобы ты мне доверяла.

Девочка по-прежнему молчит и просто смотрит на меня пристальным взглядом, практически не моргая. Я достаю из рюкзака одну булочку и флягу с водой и демонстративно начинаю жевать уже слегка зачерствевший хлеб. Когда в рот отправляется последний кусочек, я слышу, как у девчонки начинает громко бурчать в животе.

— Держи, — я не торопясь подхожу к ней и осторожно протягиваю одну булочку.
— Пожалуйста, не бойся меня. Тебе нужно перекусить.

Малышка поднимает на меня взгляд, и, не отрывая глаз, берет у меня из рук хлеб.

— Черт, да ты совсем замерзла! — восклицаю я, когда её пальцы слегка прикасаются к моим. Девчонка от неожиданности подсакивает на месте, но продолжает молчать.
— Залезай в спальный мешок, там быстро отогреешься. Можешь даже в нём поспать.

Я по-прежнему стою рядом с ней, но она не двигается. Сидит, прижавшись спиной к стене и сжимая в крошечной ладошке булочку.

— Ладно. Если хочешь, я спущусь вниз, а ты располагайся, как тебе удобно. — С этими словами я беру топорик, оставляю на видном месте нож и флягу с водой, предварительно отпив пару глотков, и опускаюсь вниз.

Внизу оказывается гораздо холоднее, чем на втором этаже, но смущать девочку мне не хочется, я прекрасно понимаю, что она меня боится и не доверяет. Поэтому, чтобы избежать ненужных действий и необдуманных решений, устраиваюсь поудобней рядом с дверным проемом и слегка выглядываю на улицу. Обзор из этой точки значительно отличается от того, что я видел в окно сверху, при этом он гораздо хуже, потому что достаточно ограничен. При мысли о том, что кто-то может пройти мимо и случайно зайти ко мне «в гости» меня начинает мутить. Я не могу сдержать позыв и освобождаю содержимое желудка.

На небе уже сияет луна, когда я краем уха замечаю едва слышимый шорох. Очередная крыса. Понимаю, что я задремал, сидя в неудобной позе. Встаю на ноги, разминая их, и пытаюсь найти причину тому, что же меня разбудило. Какое-то внезапно нахлынувшее чувство тревоги. Размяв конечности, снова присаживаюсь, на этот раз прислушиваясь. Ооченевшие пальцы засовываю под колени. Со всех сторон меня окружает тишина, лишь только на втором этаже где-то за стеной скребется очередная крыса.

Внезапно сверху доносится возня, шипение, затем тихий вскрик. Я резко поднимаюсь и пытаюсь забраться на второй этаж, но с первого раза мне сделать это не удастся, я лишь глубоко рассекаю правую ладонь о торчащий рядом толстый ржавый прут. Вторая попытка оказывается более удачной и через полминуты я стою на полу перед девчонкой. Она сидит в том же месте и в той же позе, как и когда я уходил, только булка хлеба теперь валяется рядом с ней. Около неё сидит, ощетинившись, огромная крыса, раза в два больше чем те, которых я видел раньше. Я, недолго думая, замахиваюсь топором, но от крови он скользит, и я промахиваюсь, отрубая мутанту хвост. Тот в одно мгновение поворачивается и скалится на меня, но я не медлю и отрубаю ему голову. Безжизненное тело несколько мгновений дергается, а затем затихает.

Я подхожу к девочке, увидев, что она прижимает к груди руки, с одной из которых медленно капает кровь.

— Дай я посмотрю. — прошу я ее, протягивая невредимую руку. Та в ответ лишь смотрит на меня полными ужаса глазами. — Нужно обработать, иначе пойдет заражение.

Понимая, что сейчас она вряд ли мне доверится, решаю показать ей на примере, как можно обработать рану. Сначала наливаю на руку немного воды, стараясь минимальным количеством смыть побольше грязи. Потом достаю из внутреннего кармана куртки антисептик, немного насыпаю на порез и обматываю небольшим отрезком бинта.

— Вот видишь, не так сложно, — произношу я, показывая перебинтованную руку девочке. Затем продвигаю по полу в ее сторону все, что использовал вместе с фонариком. — На, держи. Можешь попробовать сама.

Девчонка продолжает сидеть в одной позе, только лишь тяжело дыша и не сводя с меня глаз. Я же отворачиваюсь от нее, заделываю нору в стене, чтобы не прибежала другая тварь и сажусь к окну.

«Что же мне с тобой делать?» мысленно спрашиваю я мою молчаливую собеседницу. Нянчиться с ней до конца игр (если мы доживем, конечно) я не собираюсь. Брать с собой на поиски сестры, которые я уже не первый раз откладываю, тоже не стоит, ведь проще и безопасней делать это одному. Пожалуй, наилучший вариант — это оставить её здесь. Оставлю ей нож, спальный мешок, пару булочек и воду. Сам попробую без этого обойтись. А ей, возможно, повезет, и она продержится еще немного, если ее никто не найдет.

Пока я размышляю, на улице начинает светать. Я вижу, как вдоль домов пробегает

стаяка крыс, но от них меня отвлекают стоны девочки. Я поворачиваюсь в ее сторону и в свете тусклого фонаря вижу, что ее руки и лицо приобрели синеватый оттенок.

— Эй, — тихо произношу я. — Ты чего?

Девчонку тошнит, и я замечаю красную пену, стекающую у нее из уголка рта. Тут я теряюсь, совершенно не зная, как поступить.

— М-м-м... — мычит она. — Мапочка... Так больно... Моя рука...

Меня будто пригвоздили к полу, тело не слушается, и единственное, что я могу сделать — это наблюдать. Я вижу, как она расцарапывает короткими ногтями место, куда её укусил мутант. Вижу, как из раны начинает обильно течь кровь. Вижу, как содержимое её желудка снова вырывается наружу и расплёскивается по её коленям. Но ничего не могу сделать. Я не могу ей помочь. Вероятно, укус крысы смертелен, потому что содержит яд. Я просто бессилён.

— А-а-а! — тихие стоны уже переходят в крик. — Пожалуйста...

Мои нервы не выдерживают, когда я представляю, что крики может услышать кто-то из «четвёрки». Приходится побороть себя и приблизиться к девочке. Она меня не видит, ее взгляд блуждает по потолку, не концентрируясь на чём-то конкретном. Она морщится и продолжает кричать. Я обхватываю её одной рукой, второй закрываю рот. В ту же секунду она начинает рыдать и елозить на месте. Одна её рука сама тянется к другой и продолжает впиваться ногтями в рану. Но я её не отпускаю. Потихоньку я превращаюсь в камень, боясь пошевелиться. Боясь причинить ещё больше боли малышке. Вскоре мои руки покрываются рвотой, слезами и кровью, которая не переставая течёт из её раны на расцарапанной руке и изо рта. Всё это приобретает ужасный запах, от которого начинает даже резать глаза. Девчонка плачет, пытается вырваться, но у неё ничего не выходит, она слишком слаба.

Примерно через час её тело полностью обмякает, а стоны затихают. Где-то в небе раздаётся пушечный выстрел. На мои глаза наворачиваются слёзы от осознания того, что позволил ей только времени мучиться. Это я не закрыл дыру, в которую пробралась эта тварь. Ей было больно, а я сидел и смотрел на нее. Я ничего не сделал. Я слишком слаб. Я не смогу защитить сестру...

Слёзы продолжают катиться по щекам, когда браслеты на моей левой ноге и левой руке начинают слегка вибрировать. Первые минуты и пытаюсь игнорировать его, но не могу. Мне пришла помощь от спонсоров. Встаю, даже не оглянувшись на маленькое безжизненное тельце, лежащее в углу. Быстро собираю все свои вещи и спрыгиваю вниз, где меня поджидает пара крыс-мутантов. Во мне вскипает злость, ведь именно эти твари заставили девочку мучиться. Я пытаюсь совладать с эмоциями и просто выхожу на улицу.

Свежий воздух ударяет прямо в лицо, и я делаю глубокий вдох. «Ты ничего не мог сделать. Только убить. Но тебе от этого вряд ли стало бы легче». Такие мысли проносятся в моей голове, когда я пытаюсь утешить себя. Снова вдыхаю и выдыхаю.

Сейчас мне нужно собраться и перестать винить себя в произошедшем. Встряхнув головой, осматриваюсь по сторонам в надежде не увидеть никого из трибутов, и, убедившись, что я один, протягиваю левую руку перед собой и медленно поворачиваюсь. Браслет начинает вибрировать сильнее, когда мой взгляд падает на небольшую коробочку, лежащую рядом со стеной в дальнем конце улицы.

Когда я открываю её, на землю падает маленький лист, на котором что-то написано, но в первую очередь я смотрю содержимое коробки. В ней находится только маленькая баночка, содержимое которой мне неизвестно, да и не имеет никакого запаха. Поэтому я решаю прочесть записку — быть может там инструкция.

Когда я поднимаю листок с земли, то сразу узнаю знакомый почерк. Его я видел не один раз. Именно он расписывал мне все варианты событий на индивидуальных показах, на тренировках, на самих играх. Это писал Фир.

*«Джексон, в том, что произошло, нет твоей вины.
Ты должен быть сильным.
Ради Джессики, родителей. Ради меня.
Я в тебя верю.
P.S.: Мазью срочно обработай рану на руке.»*

Я закрываю глаза и мысленно благодарю своего наставника. Он всегда знал, как найти правильные слова. Я должен найти Джессику и помочь ей выиграть.

Глава 19. И тут я замечаю его.

На площади у Рога изобилия никого. Зато раскидано полно припасов. Последние пару часов я наблюдаю за каждым углом, ежесекундно поворачивая голову в разные стороны и пытаюсь подмечать малейшие детали. Но сосредоточиться никак не получается. Перед глазами так и стоит образ девочки из Десятого. В голове эхом раздаются её крики боли и предсмертные хрипы. Запах, исходящий от моей одежды, только усиливает мои галлюцинации.

Я сажусь на нагретую солнцем землю, прислоняюсь спиной к стене, протягиваю ноги и закрываю глаза. Не знаю, дышу я сейчас или нет. Весь мой организм замирает, когда лицо девочки в моем воображении начинает приобретать очертания Джессики. Ужас сковывает мое тело, я пытаюсь открыть глаза, но не выходит. Всё, что я пережил прошлой ночью снова и снова прокручивается в моем словно затуманенном мозгу. Вот Джессику кусает крыса, её тело дергается в конвульсиях, она кричит от боли и мучительно умирает. Вот Джессика снова укушена и умоляет меня убить её, чтобы закончить страдания, но я только наблюдаю, как жизнь её покидает. Вот я соглашаюсь на её мольбы и медленно всаживаю острое лезвие ножа ей в то место, где должно быть сердце, она снова умирает. В другой раз я снова поддаюсь на её уговоры, но в этот раз нож не помогает, а только сильнее ранит её. Вот крыса преобразается в безгласого парня, которого я убил на показе — он кусает мою сестру, и я снова его убиваю, совсем как тогда, топориком прямо в переносицу. В следующий раз к нему присоединяется трибут из Третьего, которого я прикончил ещё у Рога. Вот Джесс, девочка из Десятого и безгласый сидят все рядом, обнявшись и поглядывая на меня осуждающим взглядом. Из их глаз, ушей, носов и ртов начинает сочиться кровь, тела покрываются страшными язвами, и они истошно кричат. Я в ужасе прижимаю ладони к своим ушам, пытаюсь хоть как-то отгородиться от жутких воплей. Но это голоса в моей голове, поэтому избавиться от них не получается.

Меня приводит в сознание странный толчок, будто земля подо мной начала танцевать. Резко встаю, но голова начинает кружиться, в висках колотит, что заставляет меня снова вернуться в сидячее положение. Толчки продолжаются, я ищу руками хоть что-нибудь, за что можно ухватиться. Вижу, как в нескольких домах от меня рушится стена, поднимая облака пыли. Где-то на площади слышится вскрик и внезапно я осознаю, в какое опасное положение себя поставил, забыв об опасности, поджидающей меня практически за каждым углом.

Ещё двадцать четыре секунды — столько я насчитал про себя — и толчки прекращаются. Некоторое время я продолжаю сидеть, только уже поджав под себя ноги, готовый в любой момент подскочить и броситься наутек.

— Где вы были? — доносится из-за угла, за которым расположен Рог изобилия. — О-о-о! Вот так подарочек!

Я падаю на живот и отползаю в сторону, чтобы лучше видеть всё, что происходит на площади. Моему взору предоставляется странная картина — достаточно близко ко мне, а точнее, между мной и Рогом, расхаживают три человека, а между ними на четвереньках стоит девчонка, кажется, из Четвертого. Я прищуриваю глаза и вижу, что из её носа

капает на землю темная кровь.

— Моя очередь! — вскрикивает Глория и с силой бьет девочку коленом по лицу. Та морщится, но не шевелится. Удивительно стойкая, оказывается. — С кем она была?

Вопрос направлен Биасу, трибуту из Шестого. В ответ он только безразлично поднимает левую бровь и продолжает ковырять в ногтях каким-то маленьким предметом, который с моего расстояния мне не видно.

— Одна она была. — Обиженно отвечает ей Парис. Видимо, он ожидал, что вопрос будет адресован именно ему. — Детка, ты не хочешь прогуляться? Я нашел классное место, где мы могли бы...

В одно мгновение девушка оказывается рядом с ним, возле его горла сверкает лезвие и на шее выступают капли крови. Тот поднимает руки.

— Я тебя предупреждала, *мой хороший*, — шипит Глория.

— Понял. Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Глория показывает ему средний палец, резко поворачивается и направляется внутрь Рога. Я вижу, как Биас еле заметно ухмыляется, а Парис со злостью пинает всё ещё стоящую на коленях девушку в живот. Та не выдерживает и выплескивает содержимое желудка прямо на обувь парня.

— Ах ты сука! — лицо Париса вспыхивает красным цветом, он роняет девочку на спину, сам садится сверху, прижав коленями руки, чтобы та не могла сопротивляться. — Ты за это ответишь.

С этими словами от достает будто из-под земли нож, подносит его к её уху и начинает медленно его кромсать. Первые пару секунд девочка терпит, но затем, видимо, боль становится невыносимой, и она начинает истошно кричать. Биас, чье лицо не отражает никаких эмоций, не спеша разворачивается и начинает идти в мою сторону. Его приближение приводит меня в чувство, я перекатываюсь за свое укрытие, встаю на ноги и бегу в сторону, куда садится солнце.

Крики девушки из Четвертого продолжают меня преследовать, несмотря на то, что я уже достаточно отдалился от Рога Изобилия. Мне становится сложно определить, всё это происходит у меня в голове или же чёртот изверг продолжает истязать девочку.

На улице уже темнеет, но не от захода солнца, а от заполнивших небо грозовых туч. Надо мной проносится волна раскатистого грома. Я останавливаюсь и глубоко вдыхаю преддождевой воздух. Первые капли начинают падать на землю, попадая мне на лицо и плечи. Поднимаю вверх голову. Дождь начинает литься все сильнее, превращаясь в ливень. Крупные капли барабанят по моей грязной одежде, смывая все воспоминания от

ночного кошмара. А я дышу. Закрыв ладонями нос и рот, чтобы в них не попала вода. Дышу. Представляя, что это единственное, что может унять ту боль и переживания, что мне уже пришлось перенести.

Внезапно раздавшийся пушечный выстрел, заглушающий даже гром, заставляет меня вспомнить, где я и какая моя цель. На мгновение я пугаюсь — стоять посреди улицы не самая лучшая идея для Голодных игр. Поэтому поспешно оглядываюсь и рядом с собой обнаруживаю обрушенную стену, сложившуюся наподобие палатки. Там и решаю скоротать непогоду.

Чистый свежий воздух напоминает мне о том, насколько я проголодался. Поудобней расположившись посередине своего убежища, вытряхиваю содержимое своего рюкзака прямо на землю перед собой. Набор все тот же, что и в первый мой день, за исключением ножа, который я оставил в своем предыдущем укрытии и бинта. Оставшаяся пара булочек в пакете превратилась в камень и есть становится невозможно, поэтому мне приходится слегка смочить их водой. От этого вкус получается отвратительный, но выбор у меня небольшой. Предварительно растянув часть плёнки для набора воды, я укладываюсь поудобней (благо, что площадь позволяет) и устремляю взгляд в небо. Надо мной быстро бегут тучи, время от времени разрезаемые тонкими линиями молний. Мне становится практически спокойно.

Землю снова начинает трясти. От мысли, что я могу быть похоронен под тяжелой плитой у меня холодеют руки, и я не сразу соображаю, что нужно выбирать. Когда раздается повторный толчок, небо освещает вспышка. Я вижу, как недалеко от меня проносится чей-то огромный силуэт и начинаю колебаться. Что хуже — быть раздавленным стеной или громилой из Десятого? Решение принимаю быстро — трибут, вероятнее всего, меня даже и не заметил. Поэтому хватаю рюкзак, оставляя на влажной земле только пакет от булочек, в котором не осталось ни единой крошки. На выходе из своего убежища случайно задеваю ногой растянутую пленку, и вся набранная в неё вода мгновенно впитывается в землю. Я негромко разочарованно стону. Земля снова содрогается, словно подталкивая меня к дальнейшим действиям.

Гроза прекращается так же быстро, как и началась. На улице светлеет, и тут я замечаю его.

Глава 20. "Конфетка, у меня для тебя сюрприз!"

Всё, о чём я сейчас могу только думать, так это то, что он может привести меня к сестре.

На небольшом от меня расстоянии очень неосторожно идет Деймос, тот самый трибут из Второго, которого охмуряла Джесси. Тот самый, который побежал за ней после окончания отсчета начала игр. Тот самый, моё доверие к которому практически равно нулю. За его спиной болтается мощный арбалет, на котором явно не хватает несколько крепких стрел. Обе его руки по локоть в крови, и мне остается только надеяться, что это не кровь Джессики.

Пока я неслышно крадусь за ним, регулярно оборачиваясь на случай появления новых противников, начинаю раздумывать, а не прикончить ли мне его прямо сейчас? А почему бы и нет? Он достаточно сильный противник, хоть и не очень то и умный. У него дальнобойное оружие, которое может не позволить мне приблизиться к нему и четко сработать топориком. Но, с другой стороны, он очень медлительный, что мне только на руку. Ну, а что если он действительно в союзе с моей сестрой? Возможно благодаря ему мы сможем избавиться от парочки противников.

Подумав также о том, что он всё же может вывести меня на Джесс, я решаю согласовать его убийство с ней, если она будет этому готова. Если нет, придется решать самому. В конце улицы Деймос останавливается и присаживается на каменную глыбу. Я прячусь за ближайшую стену и прислушиваюсь. Слышу, как вдалеке рушится еще одна стена. Слышу, как завывает ветер, проносящийся сквозь пустые глазницы домов. Слышу топот крошечных лапок, перемещающихся вдоль останков домов.

— М-м-м... — До меня доносится из-за угла. — - Четырнадцать трибутов... На-на-на... Хм-м-м...

Я не сразу понимаю, что происходит, пока до меня не доходит, что Деймос напевает известную детскую песенку. Изначально её кто-то придумал еще в Капитолии, но затем каждый из дистриктов адаптировал ее под себя. Ненавижу эту песню.

— Десять трибутов не доживут до утра... Ла-ла-ла...

Я делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание. Как же мне хочется сейчас вмазать по этой широкой роже!

— Ах, Джесси, Джесси... Хм-хм-хм... — Мои конечности мгновенно наливаются свинцом, когда я представляю, что он касался моей сестры. Желание врезать ему только усиливается, но я пытаюсь сдержаться, крепко стиснув зубы. В голове проносятся нелицеприятные картинки, на которых появляется отчетливый кадр, как я ломаю его пальцы, один за другим.

Внезапно позади меня раздается шорох. Часть меня надеется, что это всего лишь очередная крыса, но мне приходится обернуться, чтобы удостовериться в этом. И не зря. Прямо за моей спиной стоит трибут из Десятого, который по размерам больше похож на

гору, чем на человека. Он перекладывает из одной руки в другую нож огромных размеров и оглядывает меня с ног до головы, при этом довольно улыбаясь. Видимо, я всё же привлек его внимание, когда начал следовать за Деймосом. И добыча его крайне радует.

Пол секунды я медлю, обдумывая свои следующие действия. Но выбор у меня не велик. Умереть, убить или убежать. Три «У». И я решаю воспользоваться третьим вариантом. Единственное, на что мне приходится надеяться, это на то, что мой противник медленно бежит, либо что он решит не запускать остро заточенный клинок мне прямо в спину. Я быстро разворачиваюсь и бегу. Петляю между обрушенных стен, пытаюсь сбить преследователя со следа. Бегу не оборачиваясь, поэтому не знаю, удалось ли мне оторваться.

Вокруг никого. Я сажусь на припорошенную песком землю, прислоняюсь спиной к стене и пытаюсь восстановить дыхание. От бега у меня колет в боку так сильно, что мне приходится стиснуть его руками — так кажется, что боль уходит. Сердце бешено колотится. До сих пор не могу поверить, что мне удалось избежать смерти. Это было даже как-то просто.

— Ну и заставил ты меня побегать! — заиклившись на боли в боку, я совершенно забываю об опасности, поэтому перестаю регулярно осматриваться.

Передо мной вновь возникает парень из Десятого. Он уже не улыбается, а хмурится — видимо бег не является его любимым занятием. Я с трудом встаю на ноги. Понимаю, что через несколько минут (или даже секунд) мне придет конец, ведь петля, которую я соорудил для переноски топорика развязалась на полпути до моего нынешнего местоположения. У меня нет оружия.

— Где твоя сестричка? — спрашивает меня мой противник. Я не отвечаю, только стою и молча смотрю на него, высоко подняв подбородок. — А ты не такой уж и смелый, так? Я так и знал, что это всё только для публики.

Я продолжаю молчать, пока он рассматривает меня невероятно оценивающим взглядом. Убей меня уже, не тяни время!

— Слушай, убивать я тебя не хочу, — будто отвечает на мой немой вопрос трибут. — По крайней мере сейчас. У меня есть к тебе предложение.

Я вопросительно поднимаю бровь, а собеседник продолжает:

— Видел на площади... — Он резко останавливает свою речь, удивленно опускает глаза вниз, на свою грудь, из которой виднеется наконечник стрелы. Затем непонимающе переводит взгляд на меня и падает вперед, получив еще одну стрелу прямо в затылок. В небе раздаётся пушечный выстрел.

В двадцати метрах от нас стоит Деймос с заряженным арбалетом и целится, как мне кажется, прямо в моё лицо. Вот это класс. А я уже обнадёжил себя, что у меня еще есть хоть какой-то шанс выжить...

— Ну наконец-то! — Восклицает парень, облегченно разряжая свое оружие.
— Джессика с ума сходит, все ждет тебя. Каждый день отправляется на твои поиски, но я её не пускаю, нечего тут бродить. А то наткнется на такого, как этот. — подойдя ближе ко мне, он пинает трибута из Десятого и протягивает мне мой топорик.

— Спасибо. — Коротко я отвечаю своему союзнику (?), еще не уверенный, верить мне ему или нет. Может он и не с Джесс вовсе, а просто хочет загнать меня в свою ловушку. Только это не совсем логично, ведь у него была прекрасная возможность прикончить меня. И вряд ли бы он мне стал отдавать моё оружие. Судя по всему, он хочет, чтобы я ему доверял.

— Идём, наше убежище там, — он кивает в левую сторону. Я поправляю съехавшие лямки рюкзака и не торопясь иду за ним, на всякий случай держа топорик наготове.

— Джесс там?

— Да расслабься ты, чувак! Мы ж теперь союзники. Мы так с твоей сестрой договорились, — я замечаю, как немного испуганно косится на меня Деймос и мне хочется засмеяться. Неужели он меня боится?

— Конечно. Если вы с ней договорились.

Через несколько молчаливых минут, сопровождаемых шарканьем парня, мы оказываемся рядом с небольшим, но очень крепким домиком с плоской крышей. Моё сердце бешено скачет, предвкушая встречу с Джесс.

— Конфетка, у меня для тебя сюрприз! — без какой-либо осторожности громко произносит Деймос.

Из-за дома доносится звук, будто кто-то спрыгнул с высоты, и тут появляется она.

Глава 21. "Джей-Джей... Прости меня..."

— Джекс! — Девушка бросается мне на шею и с силой прижимает к себе. — О Боже, Джекс...

Она рыдает, уткнувшись носом в моё плечо.

— Теперь всё будет хорошо, Джей-Джей, я рядом, — я пытаюсь успокоить её, легонько поглаживая по голове, хотя у самого трясутся руки. На арене не стоит показывать свою слабость, ведь это может повлиять на подарки от спонсоров. Хотя свою я уже показал её всему Панему.

Сестра отталкивает меня, сердито сводит брови и спрашивает:

— Почему ты так долго? — хотя она и пытается казаться грозной, в её голосе я всё же слышу некий страх. Вряд ли кто-то кроме меня смог бы это когда-либо заметить. — Целых три дня тебе потребовалось, чтобы найти меня?

Я вскидываю руки вверх.

— Извини, Джесс, были некоторые обстоятельства, которые меня слегка задержали.

Девушка снова крепко обнимает меня, сжав ладони в кулаки.

— Ты идиот... — шепчет она мне в плечо, а я только усмехаюсь. Из моего рта вырывается какой-то нервный наигранный смешок.

— Кхе-кхе... — От неожиданности мы с Джессикой подскакиваем на месте, и она освобождает меня из объятий. — Ну вообще-то я его спас.

Девушка переводит вопросительный взгляд с Деймоса на меня.

— Я бы так не сказал, на самом-то деле. — Мои глаза впиваются в глаза трибута из Второго. — Он меня убивать не собирался.

— Да ты спятил, чувак? Этот громила...

— Всё равно спасибо. — я не даю ему договорить. Произнесенную мной фразу тот явно не ожидал услышать, поэтому от неожиданности захлопывает рот так, что клацают зубы. — Если бы он не сделал этого тогда, сделал бы потом.

Джесс легко приобнимает Деймоса в знак благодарности, и я отмечаю, как практически незаметно его рука скользит вниз по её спине. Мои руки начинают дрожать от попытки сдержать в себе нарастающую ярость. Я его убью.

— И тут я такой — БАМ! — нажимаю на спусковой крючок, и стрела у него в спине. Быстро перезаряжаюсь и — БАМ! — вторая у него в затылке. Вот эта самая стрела, — Деймос теребит в руках толстую стрелу, наконечник которой окрашен в бурый цвет. Её он вытащил из головы трибута из Десятого, после того, как ей же и прикончил. — Это было так круто!

На улице уже темно и свет идёт только от яркой луны, спокойно зависнувшей высоко в небе. Мы сидим на крыше дома, к которому меня привел Деймос, где он с моей сестрой прятался со времени начала игр. Бортик этой крыши достаточно высок, но не для того, чтобы можно было спокойно ходить по ней. Вокруг разложены мои припасы — ни Джессике, ни Деймосу не удалось ничего достать.

— Джекс, а ты убил уже кого-нибудь? — сестра прижимается ко мне, закутанная в спальный мешок. Мне теперь не хочется отпускать её ни на секунду. Я её только нашел и терять больше не собираюсь.

Вопрос застаёт меня врасплох. Мне не хочется разочаровывать сестру, но и показаться слабым перед нашим так называемым союзником не стоит. В итоге решаю сказать правду — ведь когда Джессика победит, она в любом случае узнает.

— Парня из Третьего, еще у Рога, — коротко отвечаю я, не описывая подробности, как это сделал Деймос. Про девочку из Десятого я решаю не упоминать. Пару часов назад её лицо на несколько секунд зависло в воздухе, как и других погибших трибутов. В том числе девушки из Четвертого. Всего на арене осталось тринадцать человек.

Джессика молчит. Я представляю, что сейчас происходит в её голове. С одной стороны, она обвиняет меня в убийстве. До сих пор ей сложно представить то, что можно убить человека. С другой — она осознает то, что это необходимость. Либо мы их, либо они нас. Исход в любом случае один. Смерть.

Деймос улыбается, глядя на меня, пытаюсь показать свое одобрение моему поступку и ожидая всех подробностей. Я холодно смотрю на него и отмечаю, как нервно он сглатывает, заметив мой взгляд. Видимо и правда боится.

После обсуждения их довольно скучных приключений на арене мы укладываемся спать — Джесс кладёт голову мне на колени, Деймос устраивается на противоположном краю крыши, а я прислоняюсь спиной к бортику. Конечно же, спать я не собираюсь. Кто знает, что на самом деле творится в голове у этого трибута?

Я просыпаюсь от того, что сестра елозит головой по моим коленям. Оказывается, я всё же уснул — вчерашний день меня полностью опустошил — и даже не заметил этого. Зато есть три положительные вещи. Во-первых, Джессика рядом, во-вторых, кошмаров не было, мне не снилось вообще ничего, в-третьих, мы всё ещё живы. Деймос уже проснулся и оглядывает улицы, свесив ноги с крыши. Внезапно в горле начинает першить, я кашляю и тянусь к практически пустой фляге с водой.

— Ну наконец-то! — поворачивается ко мне наш союзник. — Я уже начал думать, что вы оба во сне откинулись!

Деймос хохочет, но мне его шутки совершенно не нравятся и я, как мне кажется, незаметно хмурю брови. Но тот все же замечает и теряется.

— Ну да, не смешно. Никогда мне юмор не давался, — он бубнит себе под нос, натягивая снятые вечером кроссовки, а затем громче произносит, — Я тут подумал, у нас еды нет совсем, может сходишь что-нибудь достанешь?

На секунду я лишаюсь дара речи от такой наглости. Чтобы я оставил тебя наедине со своей сестрёнкой, когда только её нашел? Н-И-К-О-Г-Д-А. Я лучше оставлю её здесь одну, как мне кажется, это будет гораздо безопасней.

— Конечно, — отвечаю я, аккуратно перекладывая голову сестры с коленей на рюкзак, но она всё равно просыпается, — Только мне понадобится твоя помощь.

— Куда вы? — спросонья спрашивает сестра, зевая и потирая глаза.

— Да вот решили сходить за едой, я знаю тут место неподалёку.

— Джекс, не уходи... — девушка начинает хныкать, поэтому я наклоняюсь к ней и негромко говорю прямо на ухо:

— Ну давай мы тогда тут все умрём от голода.

В ответ она скрещивает руки на груди и корчит обиженное лицо. Я слегка треплю её за щеку, целую в лоб, долго прижимаясь губами к горячей коже, прошу не высовываться и ждать моего возвращения, а затем вместе с Деймосом спускаюсь вниз.

— Ну так что, каков план?

— Пока плана нет, — отвечаю я своему собеседнику, который идет за мной и громко шаркает. Возможно зря я его с собой взял, он такой шумный, что может привлечь трибутов со всей округи. Я резко поворачиваюсь к нему и буквально шиплю, — Ты можешь идти потише?

Парень пугается моей резкой смены настроения и запинается, но старается идти тише.

— Тогда куда мы идём?

— К Рогу изобилия. Где еще есть еда, я не знаю. Если у тебя есть идеи получше — выкладывай, обсудим.

В ответ я слышу только сопение, и это меня полностью устраивает. Внезапно земля начинает трястись, но в этот раз её «танцы» заканчиваются быстрее обычного. Вот только нужную нам улицу преграждает рухнувшая стена. Я доверяюсь Деймосу в указании пути до Рога, так как он знает эту местность чуть лучше меня, но мы несколько раз ходим кругами, возвращаясь на одно и то же место. Когда мы в третий раз оказываемся около упавшей стены, в воздухе разносится пушечный выстрел. Убили еще кого-то. Надеюсь, из «четверки», чтобы нам было проще достать припасы из Рога.

Через несколько секунд из-за дома позади нас выскакивает высокая девочка из Двенадцатого, слегка хромая. Из её ноги плотным потоком вытекает кровь, видимо, задета артерия. Я хватаю Деймоса за шиворот, грубо заталкиваю в дыру под каменной плитой и стараюсь спрятаться там же, но места слишком мало для нас двоих. Пытаюсь вжаться в укрытие как можно глубже и практически перестаю дышать. Девчонка доходит до середины улицы и устало падает на колени. Кровь из её ноги мгновенно впитывается в землю, поэтому сразу невозможно понять, что она ранена. Не торопясь, на площади появляется трибут из Третьего. Та самая, кто чуть не прикончил меня в самом начале. Та, чьего «близнеца» я убил.

Позади меня слышится пыхтение:

— Дай я... — Деймос позади меня шевелится и практически выталкивает меня из укрытия, пытаюсь зарядить арбалет.

— Ш-ш-ш. — произношу я в ответ. С этой психованной лучше не шутить и пока просто отсидеться в укрытии.

— Думала, что убежишь от меня? — начинает девчонка из Третьего.

— Пошла ты... — бросает ей в ответ «Двенадцатая».

— О-о-о, какие мы дерзкие. — саркастически произносит «Третья» и подходит практически вплотную к своей собеседнице. — Что-то ты не была такой, когда я распарывала брюхо твоему дружку.

«Двенадцатая» закатывает глаза, практически теряя сознание — слишком много крови потеряла.

— Эй, эй! Я ещё не разрешала! — С этими словами девчонка из Третьего грубо хлопает по щекам свою жертву. — Не вырубайся!

— Ты, тварь, давай уже быстрее. Убей меня.

«Третья» смеётся во весь голос.

— Ты смеешь мне еще приказывать? Да кто ты такая? — смех становится истерическим и очень наигранным. Девушка вонзает своё копьё в плечо «Двенадцатой» и медленно его поворачивает. Та кричит не своим, практически мужским голосом.

— Будешь приказывать или умолять?

Не услышав ответа, она вытаскивает копьё из одного плеча и медленно всаживает его в другое, повторяя действия. Девчонка кричит, но не произносит ни слова.

— Умоляй! — срывается на рык «Третья» — Умоляй убить тебя, шлюха!

Копьё проходит сквозь левое бедро.

— Пожалуйста...

— Пожалуйста, что? — «Третья» останавливается.

— Пожалуйста, просто убей...

— Да чёрта с два! — удовлетворенно выдыхает девчонка из Третьего и начинает яростно работать копьём. Один за одним отрезает пальцы, выкалывает глаза. Пушечный выстрел. Она кричит, пока, наконец, не осознаёт, что сидит уже на холодеющем трупе. Такой жестокости я ещё не видел. Нельзя позволить ей столкнуться с моей сестрой.

Внезапно она поворачивает голову в сторону, поднимает копьё и быстро убегает.

— Что это, чёрт возьми, было? — вылезая из норы и разряжая арбалет, спрашивает Деймос. — Как она её... Же-е-есть...

— Нам надо вернуться к Джессике, удостовериться, что с ней всё в порядке. — говорю я, а парень в ответ кивает, видимо, всё ещё потрясенный увиденным.

Мы идём тише и осторожней обычного, но на половине пути в меня врезается чьё-то тело. Я не успеваю сообразить и даже протянуть руку к топорику, когда девушка бросается мне на шею.

— Господи, Джексон... Ты в порядке... — я крепко обнимаю сестру. — Я так испугалась... Я думала, что ты...

С трудом отцепляю Джессику от себя и держу на расстоянии вытянутой руки.

— Джесс, я тебе что говорил? Сидеть на месте, пока я не приду!

— Но я думала...

— Плевать я хотел на то, что ты думала! Здесь небезопасно! Прямо на моих глазах одна девчонка только что раскромсала на куски другую! — Я начинаю кричать на сестру, тряся её за плечи. Меня останавливает Деймос.

— Чувак, хорош. Ты же её пугаешь.

Я поворачиваю голову сначала к нему, а потом к сестре. Её губы трясутся, а в глазах

стоят слёзы.

— Джей-Джей... Прости меня, — я с силой прижимаю девушку к себе.
— Пожалуйста, не делай так больше... Прости...

Наша вторая попытка добраться до Рога изобилия оказывается более успешной, и ближе к вечеру мы занимаем свои наблюдательные позиции за углом. В ту же секунду на площади разносятся крики.

— Я тебя предупреждала? — раздраженно произносит Глория, ударяя ножом в лежащее на земле тело. — Предупреждала. А ты какой-то озабоченный идиот.

Из моего укрытия невозможно понять, жив человек или нет. Но, раз пушечного выстрела не было, смерть его пока не наступила.

— Что? — Глория поворачивается к Рогу и вопросительно разводит руки.

— Да ничего, — отвечает ей Зенобия, удобно развалившись на рюкзаках. — Этот придурок меня тоже достал.

— Как думаешь, когда он сдохнет?

— А вообще наплевать. Хочу есть. Где у нас индейка? — С этими словами обе скрываются внутри Рога.

Меня до сих пор поражает эта жестокость. Нормальные люди — подростки! — ни за что не смогли бы так себя вести. Убивать людей, истязать, мучить... А потом вот так спокойно говорить про еду. От этих мыслей меня начинает тошнить. Их определенно точно где-то обучали. И, возможно, одним из критериев школы убийц является неадекватность.

На улице темнеет, и в воздухе проносится очередной пушечный выстрел. К холодеющему телу подбегает Глория и несколько раз пинает, не то в бок, не то по голове.

— Даже... после... чёртовой... смерти... не... даёт... поспать... — Каждое слово сопровождается пинком.

На площадь выходит Биас, удивлённо вскинув бровь, и скрывается в Роге. Я понимаю, что здесь добыть еду нам не удастся.

Глава 22. Не может быть, что её больше нет.

Когда я просыпаюсь, солнце стоит уже высоко в небе. Удивительно, но второй день подряд мне удаётся прекрасно выспаться. Деймоса рядом нет, как и его арбалета. Джессика сидит у края крыши, положив на бортик руки и опустив на них подбородок.

— Джесс, ты как? — спрашиваю я, присаживаясь рядом с ней.

— Есть хочется... — тихо отвечает мне сестра.

Последний раз я ел два дня назад, Джессика и того дольше. Вода у нас тоже кончилась, а поблизости нет ни одного источника. Даже какой-нибудь грязной лужи, чтобы можно было воспользоваться фильтром на фляге.

— Мы обязательно что-нибудь найдем, обещаю. — Мне и самому в это слабо верится. Умрем от голода или от обезвоживания. Класс.

— Эй, Джей-Джей?

— М? — девушка поворачивает ко мне голову.

— Ещё раз извини за вчерашнее. Я не знаю, что на меня нашло. Я так испугался... Особенно после того, что увидел. После того, как представил, что на месте той девчонки могла оказаться ты...

— Это я виновата. Надо было тебя слушать. Я очень... Очень сглупила.

Я беру её голову в свои ладони и прислоняюсь своим лбом к её:

— Я тебя очень сильно люблю, Джей-Джей. Больше всех и всего на свете. И никогда не дам тебя в обиду.

Некоторое время мы сидим молча, просто взявшись за руки. Затем я кое-что вспоминаю.

— А Деймос где?

— Сказал, что пойдёт поищет еду. Его нет с самого утра. Надеюсь, с ним ничего не случилось...

— Ты пушку слышала?

— Нет...

— Значит с ним всё в порядке. Почему ты за него так волнуешься? — меня действительно интересует этот вопрос.

Джессика несколько секунд колеблется, но потом отвечает:

— Он же спас тебя... — несколько секунд молчания. — И помог мне продержаться, пока тебя не было. А ещё привел тебя ко мне. Для меня это значит многое.

Эх, Джесс, какая же ты наивная. Нельзя вот так просто доверять людям. Особенно на арене Голодных игр. Где каждый думает только о себе и пытается спасти только свою шкуру. За исключением меня.

— Я как раз о нём и хотел поговорить с тобой. Ты же понимаешь, что нам нужно от него избавиться?

— Нет. Нельзя.

Мои щёки мгновенно вспыхивают, когда я слышу это.

— Что значит нельзя? — голос переходит на крик, но я стараюсь взять себя в руки. — Джесс, осталось всего десять человек — восемь, за исключением нас — и Деймос является нашим соперником. Мы справимся и без него.

— Джекс, не смей этого делать. Ты ему обязан. Он спас тебя.

— Он. Меня. Не. Спасал. — делая паузу после каждого слова, произношу я. — Тот трибут не собирался убивать меня. Он хотел, чтобы я помог ему избавиться от «четвёрки», которая засела у Рога. И, скорее всего, у нас бы это получилось. Тогда бы у нас сейчас была еда. И нашёл бы я тебя всё равно, и без его помощи. Так что видишь, всё было бы гораздо лучше без него.

— А как же то, что он помог мне дождаться тебя?

— А что, по сути, он сделал? — я задаю вопрос, который ставит её в тупик.

— Джексон, я против того, чтобы мы это делали. Чтобы ты это делал. — сестра хмурит брови и отводит от меня взгляд.

— Но я сделаю это. Кто-то должен будет умереть, и пусть это будет он.

— Что с твоей ногой? — вскрикивает Джессика, подбегая к Деймосу.

— Да ерунда, — отвечает он. — Просто подвернул.

Я разглядываю нашего союзника, слегка прищутив глаза.

— Джексон, — шепчет мне сестра. — Нет.

Деймос испуганно переводит взгляд от меня к Джесс и обратно:

— Что-то случилось?

Как же просто будет его прикончить.

— Всё в порядке, просто Джессика за тебя переживала. — В ответ парень выдыхает, пытаясь скрыть своё облегчение, но у него это плохо получается. — Я так понимаю, еду и воду ты не нашел?

— Нашёл! Только у меня не получилось её взять. Я бы её просто не донес, сам-то еле дошел. — Деймос кивает на свою ногу. — Там полно припасов. Видимо, парочка из Двенадцатого оставила.

Джессика счастливо улыбается, глядя мне прямо в глаза, пытаясь сказать что-то вроде: «Вот видишь, он полезный, не стоит его убивать», а затем туго перевязывает лодыжку Деймоса остатками моего бинта.

— Когда ты будешь готов показать мне дорогу?

— Чувак, я не знаю, когда смогу нормально идти. Ты можешь сходить сам, я тебе объясню дорогу.

— Да, Джекс, сходи. Я ужасно хочу пить. Там же есть вода? — спрашивает сестра у парня.

— Там много воды. Даже не представляю, где они столько добыли. А ещё там есть мясо и яблоки. Я всё спрятал, чтобы кто-то другой не нашел.

Джессика умоляюще на меня смотрит:

— Пожалуйста, сходи. Всё будет в порядке.

Мне сложно ей отказать, когда она делает такой взгляд. Она всегда этим пользовалась, с самого детства. Помню, как однажды ей очень понравился веночек девочки из школы во время праздника леса, так мне пришлось целый день и вечер потратить на поиски нужных цветов, а ещё ночь на создание этого самого венка. Но как она была счастлива... Кажется, тогда нам было всего по семь лет.

Я бреду по пустынным улицам, постоянно оборачиваясь. Очень не хочется наткнуться на психопатку из Третьего. Да и на кого-то другого тоже. Не то, чтобы я особо боюсь быть убитым. Мне и самому убивать не хочется. Идеальный вариант — оставшиеся восемь человек переубивают друг друга, и останемся мы с Джесс. Ну, а там... Да, я очень много и долго об этом думал. Это страшно, но я действительно готов пойти на это. Убить себя ради Джессики. Конечно, она не позволит мне это сделать, но кто её будет спрашивать? Так нужно. Но она не поймёт. Для неё это окажется неразрешимой

проблемой, так как пожертвовать мной она не сможет, ровно так же, как и причинить боль себе. Не моральную, конечно, а физическую. Нам за свои семнадцать лет пришлось пережить многое. Смерть младшего братишки. Сломленность мамы. Закрытость отца. Угнетение на улицах. Игнорирование в школе. Сплетни. Прибавить к этому постоянный голод и тяжелую работу. Не самая приятная жизнь. Но, несмотря на всё это, мы есть друг у друга. Правда, ненадолго. Пусть я и не вернусь домой, это сделает Джесси. После всех туров вернётся в наш родной дистрикт, поселится вместе с родителями в большом доме рядом с Фиром и Яго, заведет собаку, а потом и семью. Надеюсь, что с туром у неё получится справиться. Рядом будут наши менторы. Фир очень мудрый и поможет ей общаться с публикой и в целом адаптироваться в новой жизни. Яго сможет защитить её ото всех. Возможно, они когда-нибудь создадут семью. Было бы здорово когда-нибудь поиграть с моими племянниками... Но это будет точно не в этой жизни.

Когда я дохожу до места, обозначенного Деймоса, то ничего не нахожу. Никаких припасов. Вероятно, задумавшись, я зашел не туда, поэтому возвращаюсь чуть ли не к самому нашему укрытию. Мысленно проговариваю дорогу и повторяю её быстрыми шагами. Отчего-то на меня волной нахлынывает беспокойство. Я снова подхожу к тому же месту, о котором говорил парень. Начинаю искать под камнями, заглядываю под обрушенные плиты. Но ничего нет. Ничего. Даже намёка на то, что здесь кто-то когда-то был. По крайней мере, последние три дня.

Меня охватывает одновременно злоба на себя, за то, что неверно нашел путь, и злоба на Деймоса, который, вероятнее всего, неправильно мне его растолковал. Я направляюсь к нашему домику, забывая оглядываться. Перед глазами маячит расстроенное лицо Джессики, которая ждет меня с водой и едой.

Неожиданно мне становится невероятно тревожно и даже страшно, я оборачиваюсь вокруг себя, но никого не вижу. Через секунду раздаётся крик. Это кричит Джесси. Все мои конечности немеют, я пытаюсь бежать, но падаю, спотыкаясь о большие камни, преграждающие мне путь. Разбиваю колени, ладони, и, кажется, даже нос, но не чувствую боли. Слышу пушечный выстрел. Самый громкий из всего, что я когда-либо слышал. Он оглушает. Он лишает всех мыслей. Он опустошает, вырывая сердце и все внутренности. Я вижу убегающего Деймоса, за плечами которого мой рюкзак. Машинально запускаю в него топорик, но промахиваюсь, задев только ногу, так как он слишком далеко. Оббегаю дом, на крыше которого мы обосновались, чтобы забраться наверх по импровизированной лестнице. Но в этом нет необходимости. Джессика здесь, на земле. Её глаза смотрят в пустоту, рот приоткрыт в немом крике, а из головы сочится кровь.

Не может быть, что её больше нет.

Глава 23. Вдруг становится темно, и мне кажется, что я лечу.

Она лежит на спине, широко раскинув руки. Пустой взгляд устремлён в небо. Голова покоится на каменной плите, и кровь затекает мне прямо под подошвы грязных кроссовок. Не могу поверить, что её больше нет.

Я падаю на колени, прижимая к себе тело своей сестры. Ещё тёплая кровь из её головы медленно стекает по моим рукам и ногам. Пытаюсь остановить её, зажимая страшную рану в виске ладонью, но у меня ничего не выходит. Прошу очнуться, умоляю. Мои глаза застилает пелена, и я практически ничего не вижу. Я не могу поверить, что её больше нет.

Обмякшее тело в моих руках с каждой секундой всё сильнее холодеет, а кровь застывает. Под палящим солнцем она запекается жёсткой корочкой, к моим рукам прилипают к тёмно-рыжие волосы Джессики.

Из горла вырывается отчаянный крик, я медленно поднимаюсь на ноги, бережно укладывая тело на землю, и бегу. Это он сделал. Она доверилась ему, а он убил её. Подло, дождавшись, когда меня не будет рядом. Мою беззащитную сестру, не способную и муху обидеть.

Подхватываю свой топорик, оставшийся лежать на земле, и бегу. Я знаю, куда он направился. Ведь на припорошённой пылью земле он оставил следы от обуви и едва заметную дорожку каплей крови. Я выпущу ему кишки. Медленно отрежу голову, чтобы он захлёбывался собственной кровью. Чтобы он страдал. Чтобы он хоть на мгновение понял, какова моя боль. Она настолько сильна, что я чувствую её буквально физически.

Я сбавляю скорость, практически теряя направление. Убийца моей сестры где-то рядом. Я чувствую это. Кожей ощущаю его страх, чую запах её крови у него на руках. Я представляю, как делаю ему больно...

— Так-с, кто это тут у нас? — слева от меня раздаётся хриплый голос. Я поворачиваюсь на него и без раздумий запускаю топорик. Он останавливается в черепе девушки-трибута из Третьего, которая медленно сползает по стене вниз. Пушечный выстрел.

Пытаюсь вытащить своё оружие из её головы, но оно крепко застревает в черепе, поэтому мне приходится наступить на её лицо и приложить немного усилий. Не могу поверить, что её больше нет.

Я вижу его. Он ранен, пытается ползти, наставив на меня арбалет. Но его руки трясутся. Он нажимает на спусковой крючок. Стрела летит прямо в меня, но я даже не пытаюсь увернуться. Опускаю голову и вижу, что слева в животе торчит стрела, под которой на кофте расплзается тёмное пятно крови. Не задумываясь, выдираю её из своего тела. Боли нет. Вся моя боль сейчас находится в сердце. Потому что её больше нет.

Изо рта вырывается отчаянный вопль, и я всем телом наваливаюсь на трибута, крича ему прямо в лицо. Во мне кипит беспомощность, приправленная огромным количеством ярости. Он смотрит на меня и не может пошевелиться.

Нет. Я не могу.

Но ведь её больше нет. Ничего больше не имеет смысла. И его жизнь тоже. И моя.

Она защищала его. Доверилась. Почему ты не разрешила мне убить его раньше, Джей-Джей? Почему я послушался тебя? Это я во всём виноват. В том, что мы попали на игры, что не подготовил тебя, что ты была без меня три дня, что ты голодала, что не смог тебя уберечь... Это всё моя вина.

Я заносу топорик над головой Деймоса и с силой опускаю на его шею. Раздаётся неприятный хруст. Несколько мгновений он хрипит, из его горла и рта вырываются потоки крови, попадая на мою одежду. Продолжаю давить лезвием на его шею, крепко сжав зубы. Наверное, я ожидал, что мне станет легче, когда увижу его смерть, когда сам убью его, но ничего не происходит. Пушечный выстрел. *Она* всё так же мертва.

Я возвращаюсь к тому проклятому месту, где убийца лишил жизни Джессику. Медленно обхожу дом, боясь увидеть её бездыханное тело. Но её там нет. *Её* больше нет. Всё, что осталось — это большое размазанное темное пятно на плите от её крови. Силы покидают меня, и я падаю на то место, где лежала *она*.

Её больше нет. Как-будто это чья-то злая шутка. *Её* забрали у меня, отвезли далеко, чтобы я не смог больше её найти. Это неправда. *Её* убили. Человек, которому она почему-то доверяла, просто взял и всадил ей в голову стрелу. Ублюдок, посмеявшийся поднять на неё руку теперь горит в аду. Скоро и я присоединюсь к нему и буду делать там его жизнь, смерть — неважно — невыносимой. Буду каждый чёртов день делать то, что сделал с ним здесь, на арене. И, возможно, ещё что-то похуже.

Сейчас я открою глаза и окажется, что я всё это время спал. Отец на работе, мама готовит вкуснейший обед, Джесси с Джейком играют во дворе. Нет на самом деле никаких Голодных игр. Есть я. И есть Джессика. Но и это ложь. *Её* больше нет. Меня нет тоже, осталась только оболочка, переполненная болью, которая в любой момент готова выплеснуться наружу.

Где-то в пространстве звучит музыка, и я заставляю себя открыть глаза. В уже потемневшем небе висит герб Капитолия и надпись «Погибшие». Ублюдок Деймос из Второго. Садистка из Третьего. Обоих отправил на тот свет я. И Джессика Грин, дистрикт Семь. Она смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Джекс, почему ты меня оставил с ним? — от этих слов боль становится еще сильнее, в её глазах стоят слёзы. — Ты же сам говорил, что ему нельзя доверять... Но... Ты ни в чём не виноват. Я сама просила тебя позволить мне бороться за свою жизнь. И я проиграла. Но *ты* должен выиграть. Сделай это для меня.

Из груди вырывается беспомощный крик, который я даже не пытаюсь сдержать. Лицо сестры пропадает, но в моей голове продолжает звучать её голос. «Почему ты меня оставил?» Джей-Джей, я буду себя винить в этом до скончания веков. Простить и забыть это невозможно. «Ты должен выиграть». Сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Боли по-прежнему нет. Как я могу выиграть, когда больше нет твоей поддержки. Тебя нет. И больше никогда не будет. Какой смысл мне жить, если я больше никогда не смогу до тебя дотронуться? Ад на земле или на том свете — разве можно выбрать и есть ли разница?

Небо уже становится сине-оранжевого цвета от восходящего солнца, когда я слабо ощущаю, что браслеты на руках и ногах начинают вибрировать. Прямо мне на грудь опускается небольшая капсула на маленьком парашюте. Как только она до меня дотрагивается, вибрация прекращается.

Фир, что мне делать? Пожалуйста, помоги мне.

Возможно, в капсуле есть ответ, но я не могу найти в себе силы даже дотронуться до неё. Я опустошён. Раздавлен. Может я уже тоже мёртв?

Закрываю глаза и пытаюсь представить Джессику смеющейся, которую я видел буквально неделю назад, когда мы разглядывали картинки с разными нелепыми животными. Но не могу. Как будто она забрала с собой и мою память о ней, оставив лишь фразу «Ты должен выиграть». Она сделала это специально. Я знаю, что если выиграю, её зелёные глаза с примесью карего, рыжие на ярком солнце волосы, веснушки и курносый нос снова соединятся в один образ. Она соберёт себя по кусочкам, которые сейчас я помню только в отдельности, словно пазл. Но эта мысль мне совершенно не помогает. Ведь её больше нет.

Все вокруг подогревает во мне злостью. Я злюсь на Джессику — за то, что не позволила мне прикончить этого ублюдка. Злюсь на Фира и Яго, что не предупредили её о таком возможном исходе событий. Злюсь на Капитолий — за само существование игр. Злюсь на родителей — за то, что не сбежали и не спрятались, когда была такая возможность, тем самым погубив всех своих детей. Но больше всего злюсь на себя. За свою слабость. Именно она привела к тому, что её больше нет. Из-за своей чёртовой слабости я не смог противостоять отказу Джесс в убийстве этого подонка.

Наша семья сидит на лавке на главной площади. Здесь показывают Голодные игры. Многие смотрят игры дома, но наша семья не может позволить купить себе проектор для домашнего просмотра. И смотрим мы их ежегодно только по «настоятельной рекомендации» от мэра и кучки миротворцев, а не по собственному желанию. Но в этом году имеется другая, более важная для нас причина, почему мы находимся сейчас здесь. На арене мой младший брат.

Пока идёт отсчёт до начала, крупным планом показывают лица всех участников. Испуганный взгляд двенадцатилетнего Джейка находится на экране всего несколько

секунд. Ещё несколько — и он хладнокровно убит трибутом из Четвёртого. Наверняка он даже не успел подумать, что делать и куда бежать, когда его грудь пронзил острый клинок.

Он был слишком мал для того, чтобы оказаться в том месте. Если бы я был достаточно сильным и смелым в тот год, то не позволил бы Джейку выйти на сцену перед Домом правосудия. Я бы вызвался вместо него. Есть же крошечный шанс, что я мог бы выиграть. Возможно тогда бы мои брат и сестра были бы живы. Это я убил их. Я.

Я представляю себе небольшой дом на краю Деревни победителей. В нём живёт практически вся моя семья — мама, отец, Джейк и я. Джессика уже давно переехала к Яго, они очень счастливы и ждут второго ребенка. У нас есть три собаки, с которыми Джейк ежедневно пропадает в лесу. Мама целыми днями занимается хозяйством и частенько приглядывает за внуком. Отец по-прежнему работает лесорубом, он не умеет и не хочет учиться жить по-новому. После моей победы отношение жителей дистрикта к нашей семье кардинально поменялось — теперь все хотят с нами дружить. Чёртовы лицемеры.

Земля подо мной содрогается, пытаюсь привести меня в чувство, заставить встать на ноги и продолжить бороться. Но мне наплевать. Ради чего мне бороться? Джейка нет. Джесси нет. Возможно и меня нет — я не понимаю. Возможно наш подлый союзник убил меня во сне, и всё, что сейчас происходит — это мой персональный ад. Сжирающий меня изнутри, разбивающий все тело и внутренности на кусочки.

На лицо падают мелкие капли. Это дождь, или же небо плачет по моей сестре? Ведь у меня больше нет слёз. Есть только пустота. Но она уже не растёт внутри, потому что заполнила меня полностью, до самых кончиков волос и ногтей. Она засасывает всё вокруг — воздух, камни, облака, дистрикты, всю планету и вселенную. Я и есть пустота.

«Ты должен выиграть». Представляю, как ты расстроилась бы, увидев меня в таком состоянии, Джей-Джей. Я слишком часто тебя разочаровывал в своей жизни. И не могу сделать этого снова.

Я собираюсь с силами и делаю попытку подняться. Но ничего не выходит. Физическая боль появляется практически в каждой клеточке моего тела. Я чувствую, что не могу дышать носом — вероятно он сломан. Чувствую, как саднит ладони и колени. Чувствую адскую боль в животе, в том месте, куда вонзилась стрела из арбалета убийцы Джесси. Но больше всего я чувствую невероятную усталость, которая не позволяет мне пошевелить даже пальцами. В голове всплывают слова Байона, произнесённые им на

самой первой тренировке: «Абсолютное безразличие к окружающей обстановке, бред, сознание отсутствует или спутано, холодный пот, появление судорог — всё это может свидетельствовать о наличии сильной кровопотери». Безразличие — есть. Бред, спутанное сознание — кажется, есть. Холодный пот — тоже есть. Как же будет глупо, если я умру от потери крови... От своей слабости, ведь если бы я был сильнее, то не лежал бы здесь столько времени, а попытался бы залечить свои раны, хотя бы остановить кровь. Я ещё раз кидаю взгляд на капсулу, по-прежнему находящуюся у меня на груди. Быть может, в ней находится то, что может мне помочь, но я не нахожу в себе сил поднять руку. Как же это глупо... Я кричу изо всех сил, мой крик сопровождается очередным содроганием земли и сильным грохотом где-то совсем рядом. Вдруг становится темно, и мне кажется, что я лечу.

Примечание к части

Знаю, что немного сыро, я обязательно исправлюсь :)

«до моей смерти не открывать!»

Я захожу в спальню, расположенную на втором этаже предоставленного мне лично президентом дома в самом центре Деревни победителей, рядом с круглосуточно работающим круглым фонтаном, и присаживаюсь на край кровати. Внезапно на меня нападает невероятная усталость, отчего я падаю на спину и устремляю взгляд в потолок. На нём ровно сорок семь завитушек. Я смотрю на них каждую ночь, проведённую под крышей этого дома, вот уже двадцать четыре года подряд. Вот только в этот раз пересчёт белоснежных узоров меня не успокаивает. Когда я в который раз дохожу до числа «сорок семь», в моих глазах мутнеет. Быстро моргаю и чувствую, как по вискам бегут горячие слёзы, уже холодными затекающие прямо в уши. Сейчас мне абсолютно всё равно, увидит ли кто-нибудь мою слабость — я держался очень долго. По крайней мере, старался.

Сорок семь. Столько было моему отцу, который в одиночку растил меня, когда он бесследно исчез, в очередной раз выйдя в лес. Довоенное время было крайне тяжелое, впрочем, как и после, и у нас совсем не было еды. Тогда я радовался, что у меня никогда не было братьев и сестёр, а мама давно умерла от болезни. И не потому, что боялся того, что кто-то из них погибнет от голода, а потому что переживал за собственную шкуру, ибо зарабатываемого пропитания едва хватало, чтобы самому держаться на ногах. Мы с отцом всегда выходили в лес в поисках пищи, но ничего не было, ведь голодал весь дистрикт. Новые грибы и ягоды просто не успевали вырастать на месте сорванных.

Сорок семь. В доме с этим номером мы когда-то жили на Грушевой улице. Именно там скончалась мама, когда мне было шесть, и нам пришлось покинуть наш родной уголок, потому что её болезнь была заразная и находиться в доме было нельзя. Не помню, когда последний раз был в том месте. И вряд ли когда-нибудь там ещё раз появлюсь. Возможно и дома больше нет. Как и мамы.

Сорок семь. Сорок семь детей, жизни которых мне доверили, но я не смог им помочь. Не очень то я и сильный человек, каким меня представляют Панему. То, что я когда-то лишил жизни нескольких подростков (детей!..), лишь спасая свою, не означает, что я смелый. Отправьте меня на арену сейчас, и, возможно, меня убьют в первые секунды после окончания отсчета. Кто-то скажет, что благодаря мне Яго вышел с арены живой, но вряд ли в этом есть моя заслуга. Мы вместе готовились, прорабатывали стратегии, но победил он один, благодаря своему мужеству, смекалке и немного безрассудству. Вот уж кого можно назвать по-настоящему сильным человеком.

Сорок семь. Очень значимое для меня число, пусть даже каждый раз, когда я его слышу, или сам произношу — и когда просто думаю — оно пронзает моё сердце острой болью.

И двадцать четыре года. В каждый из которых я хотел — и даже не единожды предпринимал попытки — покончить с собой. Но теперь я не могу этого сделать. Не могу взвалить всё на плечи Яго, который останется один на один с той же ношей, с которой я до сих пор не смирился.

Я с трудом поднимаюсь на ноги и бреду на первый этаж, где находится маленький чемодан с моими вещами, с которыми я обычно путешествую в столицу. В переднем кармане лежит важная часть всех этих игр, важная часть меня самого. Вытираю тыльной стороной ладони слёзы и выступивший на лбу холодный пот и достаю толстый конверт с написанной на нём неровными буквами фразой «до моей смерти не открывать!». Его я нашел в комнате у Джексона после объявления победителя игр, когда менторам приказали проверить, все ли вещи трибутов собраны.

Слабеющими руками очень медленно отрываю самую кромку конверта, не уверенный, что именно я должен его открывать. Вытаскиваю из него письмо, а следом за ним на пол падает ещё несколько. На каждом указано, кому какое адресовано. Всего внутри оказывается пять небольших конвертов. Я наклоняюсь и осторожно собираю их все.

«Мама» и «Отец». С родителями Джексона и Джессики я до сих пор не встретился, хотя должен был. По просьбе парня мне следовало отдать им часы, которые тому подарил Гардиус. Но я до сих пор не мог найти в себе силы увидеться с ними, посмотреть в глаза людям, которые только-только потеряли двух детей.

«Джей-Джей». Слова, покоящиеся на бумаге в конверте с этой надписью, явно выведены с большей любовью, чем на остальных, но никто и никогда их не прочтёт. Мне даже не хочется представлять, что именно мог написать в письме брат для своей сестры. То, как он любил её, как оберегал и как всеми способами пытался её защитить. Но не смог. Это слишком больно.

Я возвращаюсь в свою спальню, становлюсь на колени перед кроватью и вытаскиваю из-под неё небольшую коробку. Это моя сокровищница, место, где хранятся важные для меня вещи. Папина соломенная шляпа, кружка с отколотой ручкой из моего старого дома, записка от девчонки из школы, в которую я был влюблён, кроличья лапка. Да, не так много вещей, имеющих для меня большое значение. Но именно туда отправляется конверт, адресованный погибшей девочке. На него падает крупная слеза, скатившаяся с моей щеки. Я плотно закрываю крышкой коробку, задвигаю её подальше, чтобы никто не смог до неё добраться и присаживаюсь на край кровати. В моих руках остаётся два письма.

На улице уже темно, когда я выхожу из парадной двери. Вдыхаю свежий воздух, лёгким ветерком доносящий до меня запах свежеспиленной сосны. Мне очень нужно собраться, подготовить себя к завтрашней встрече с родителями близнецов Грин. Откладывать это уже нет возможности — завтра в дистрикт прибывает съёмочная группа из Капитолия. Каждый год они снимают то, как менторы передают вещи погибших трибутов их родителям. Чтобы в очередной раз показать обычным людям страдания, которые могут коснуться каждого. Или уже коснулись. Мне, как уважаемому в столице человеку и так дали отсрочку. Съёмки всегда происходят поочередно — от первого дистрикта к последнему. В этот раз нас пропустили, и группа приедет напрямую из

Двенадцатого. Возможно, в будущем это выйдет мне боком.

Дом Яго находится прямо напротив моего. Не знаю почему, но его семью решили поселить рядом со мной. Возможно для того, чтобы проще было проводить различные съёмки. Хорошо, что в последнее время их стало очень мало. У меня остаётся больше времени на то, чтобы о очередной раз пересчитать завитки на потолке спальни. Сорок семь.

— Ой, здласьте! — на пороге меня встречает маленькая девочка пяти лет, голова которой покрыта яркой разноцветной банданой, а в руках короткий деревянный меч. — Яго почему-то не хочет выходить из своей комнаты. Когда он приехал, он зашёл к себе и совсем не выходит. Даже меня к себе не пускает. Мне очень грустно, потому что я хочу играть с ним. Мы всегда так здорово иглали...

Пока малышка тараторит, я заглядываю в дом поверх её головы. Миссис Портшор сидит на диване и что-то вяжет длинными спицами, на полу полнейший бардак, кричащий, что в доме живут дети. На стенах много фотографий, каждую из которых я видел не один раз, ведь мать Яго постоянно приглашает меня на обеды и ужины. Ей нравится готовить для большой семьи. Меня она считает её частью за то, что помог, как она считает, на арене её сыну.

— Я зайду к нему?

— Конечно! Только если он тебя пустит. Если нет, ты всё лавно не уходи, у нас сколо ужин. Мама всё лавно бы поплосила меня тебя позвать.

Я целую девчущку в макушку и поднимаюсь на второй этаж. Перед дверью в спальню Яго не церемонюсь, а просто с силой толкаю дверь. Мало кто знает, что она просто очень плотно закрывается, все думают, что Яго её постоянно запирает на замок.

Его комната совершенно не изменилась с тех пор, как он в неё заехал. И она ничем не отличается от моей — кровать, с обеих сторон которой стоят тумбочки со светильниками, небольшой комод, шкаф и письменный стол перед окном. На этом самом столе и сидит парень, скрестив перед собой ноги. Его взгляд устремлен куда-то далеко, и я могу только догадываться о том, что происходит сейчас у него в голове. Никто и никогда кроме меня не видел его состояния после каждых игр. Этот год для него был пятым в качестве ментора, но в этот раз я хорошо вижу, насколько его подкосила смерть наших подопечных. Особенно, Джессики. Не хочу, чтобы он сломался.

Не говоря ни слова, присаживаюсь рядом с ним на край стола, глядя на конверт в своих руках. На одной стороне написано «Яго», на другой неумело нарисован чёртик. Да, их отношения можно было назвать запутанными. Одно время Джексон даже ненавидел своего младшего наставника. Как будто это было целую вечность назад.

Яго поворачивает голову в мою сторону и видит конверт. Его брови сходятся на переносице, будто он сердится, но я знаю, что ему просто больно.

— Что это? — он кивает в сторону письма.

— От Джексона. — Я передаю ему конверт. Парень тут же его разрывает и принимается за чтение. Я немного отхожу, чтобы не мешать ему. Внутри оказывается два листа.

Вижу, как быстро глаза Яго скользят по написанным строкам, как выражение его лица меняется, когда он доходит до второго листа, передавая всю ту боль и отчаяние, которые разрастаются сейчас внутри него. Когда он заканчивает читать, то запрокидывает вверх голову и быстро моргает, пытаюсь справиться со слезами. Я возвращаюсь к нему и сжимаю его плечо, показывая, что я рядом.

— Это писала Джесс. — его голос ломается. Парень начинает на себя злиться, комкает конверт и письма, затем разбивает кулаком стекло и выкидывает исписанную бумагу на улицу. По его руке начинает бежать тонкая струйка крови, но тот не замечает. Как же мне хочется сделать то же самое...

«Фир, привет!

Значит, меня уже нет, если ты читаешь это. Единственное, на что я надеюсь, что Джессика жива. Я ведь помог ей победить, ведь так?

Я хочу тебя поблагодарить. На самом то деле, я не слишком силён в словах, но могу сказать с уверенностью, что ты самый сильный человек из всех, кого я когда-либо встречал. Конечно, мне всегда хотелось стать таким, как ты. И мне даже повезло, что я попал на игры только потому, что мне удалось пообщаться с тобой.

Ты прекрасный наставник. Именно ты научил меня многим вещам, которые мне нам с Джесс пригодятся на арене. Лучше бы даже я не ходил на те тренировки, а провел время с пользой, обучаясь у тебя.

Хоть официально мы познакомились меньше недели назад, ты был для меня не просто ментором, но и вторым отцом. Было бы здорово встретиться и выпить в нашем родном Седьмом дистрикте (мне скоро восемнадцать, так что уже можно).

Извини, если доставлял тебе много проблем своим упрямством. Но, думаю, ты и не верил мне, когда я говорил, что буду биться за свою жизнь. По-моему, из меня плохой лжец.

Я тебя очень прошу, присмотри за Джессикой. Хоть она и смелая, ей будет очень сложно адаптироваться в новой жизни. Будь её ментором не только на арене, но и в оставшейся жизни. За Яго тоже приглядывай, чтобы он не сделал ей больно (хотя в таком раскладе я очень сомневаюсь). Согласись, что из этих двоих выйдет классная парочка?

Родителям я тоже написал. Надеюсь, ты не забыл про часы? Если будет возможность, купи моей сестре собаку. Я слышал, что в Десятом даже есть разные породы. Ей точно понравится какой-нибудь маленький пушистый пёс.

~~Если Джесс не победила,~~

Ещё раз огромное тебе спасибо просто за то, что ты есть. И прощай.»